

«Зов Кукушки» напомнил мне, почему я в свое время
без памяти влюбилась в детективный жанр.

Вэл Макдермид

РОБЕРТ ГЭЛБРЕЙТ
ЗОВ
Кукушки

Когда скандально известная топ-модель, упав с заснеженного балкона своего пентхауса, разбивается насмерть, все решают, что это самоубийство. Но брат девушки не может смириться с таким выводом и обращается к услугам частного сыщика по имени Корморан Страйк.

Страйк прошел войну, пострадал физически и душевно; жизнь его несется под откос. Теперь он рассчитывает закрыть хотя бы финансовую брешь, однако расследование оборачивается коварной ловушкой. Углубляясь в запутанную историю юной звезды, Страйк приоткрывает тайную изнанку событий – и сам движется навстречу смертельной опасности...

Захватывающий, отточенный сюжет разворачивается на фоне Лондона, от тихих улиц благопристойного Мэйфера до обшарпанных пабов Ист-Энда и круглосуточно бурлящего Сохо. «Зов Кукушки» – незаурядный и заслуженно популярный роман, в котором впервые появляется Корморан Страйк. Это также первое произведение Дж. К. Роулинг, созданное в детективном жанре и подписанное именем Роберта Гэлбрейта.

[Тизер книги](#)

Роберт Гэлбрейт

Зов кукушки

Реальному Дибби – с большой благодарностью

*Зачем пришла ты в этот мир порой снегов?
Не той порой, когда звучит в лесу кукушки зов,
Не той порой, когда лоза лелеет виноград,
И не тогда, когда стрижей лихой отряд
Стремится вдаль, в чужие страны света,
От смерти лета.*

*Зачем из мира ты ушла, когда стригут руно?
Не той порой, когда плодам упасть на землю суждено,
Когда забыл кузнечик стрекот свой,
Когда висит над нивой полог дождевой,
А ветер лишь вздыхает средь ненастья
О смерти счастья.*

Кристина Дж. Россетти. Погребальная песнь

Is demum miser est, cuius nobilitas miseria nobilitat.
Несчастлив тот, чья слава его несчастья прославляет.
Луций Акций. Телеф

Улица жужжала, как рой мух. За полицейским кордоном толпились фотографы с длинноносими камерами на изготовку; дыхание взмывало вверх облаками пара. На шапки и плечи падал снег; пальцы в перчатках протирали объективы. Время от времени лениво щелкали затворы фотоаппаратов: кто-то наудачу снимал белую брезентовую палатку на проезжей части, вход в кирпичный жилой дом, а также балкон верхнего этажа, откуда упало тело.

За плотной толпой папарацци стояли белые фургоны с огромными спутниковыми тарелками на крышах; репортеры без умолку трещали (некоторые – на иностранных языках), а рядом нависали звукооператоры в наушниках. Переводя дух, репортеры притопывали ногами и согревали руки о горячие кофейники, доставленные из переполненного кафе поодаль. От нечего делать операторы в вязаных шапочках снимали чужие спины, балкон, палатку, скрывшую тело, а потом перемещались в более удобные точки, чтобы взять общий кадр того хаоса, который взорвал сонную заснеженную улицу в Мейфэре, где ряды черных дверей в обрамлении белых каменных портиков дремали под защитой живых изгородей. Перед домом номер восемнадцать была натянута лента ограждения. В вестибюле мелькали полицейские чины, некоторые – в белой форме судмедэкспертов.

По всем телевизионным каналам уже несколько часов передавали эту новость. Улицу с обоих концов запрудили оттесняемые полицейскими любопытные: кто-то специально пришел поглазеть, кто-то задержался по пути на работу. Прохожие делали снимки на мобильные телефоны. Один парень, не зная, который балкон стал роковым, сфотографировал все поочередно, хотя средний был полностью занят кустарниками – тройкой аккуратно подстриженных вечнозеленых крон, не оставлявших места для человеческого присутствия.

В объективы попала стайка девчонок с цветами: полицейские в замешательстве принимали у них букеты и неловко складывали на заднем сиденье своего микроавтобуса, понимая, что каждый их шаг фиксируется камерами.

Корреспонденты каналов круглосуточного вещания неумолчно комментировали происходящее, строя догадки вокруг сенсационных, но весьма скудных фактов.

– ...из своего пентхауса около двух часов ночи. Полицию вызвал охранник, дежуривший в подъезде дома...

– ...тело до сих пор не увезли, и это наводит на мысль о том, что...

– ...не сообщается, был ли кто-нибудь поблизости, когда она упала...

– ...несколько бригад вошли в дом для проведения тщательного осмотра...

В палатке разливался холодный свет. Возле трупа на корточки опустились двое, наконец-то получив разрешение уложить его в мешок с молнией. Из головы на снег вытекло немного крови. Лицо, превратившееся в сплошной отек, было разбито, один глаз полностью заплыл, другой проглядывал мутно-белой полоской сквозь набухшие веки. Расшитый блестками топ

искрился от малейшего мерцания лампы, отчего всякий раз возникало тревожное впечатление движения, как будто грудная клетка шевельнулась от вздоха или напряглась перед рывком. Снег мягкими хлопьями трогал брезент, словно перебирая невидимые струны.

– Долго еще ждать эту чертову труповозку?

Инспектор уголовной полиции Рой Карвер выходил из себя. Его физиономия давно приобрела цвет мясных консервов, а сорочки, пропотевшие под мышками, вечно лопались на брюхе. Скучный запас терпения иссяк у него не один час назад: Карвер появился здесь немногим позже трупа; ноги уже окоченели и не слушались, в голове плыло от голода.

– Сантранспорт прибудет через две минуты, – невольно ответил на вопрос начальства сержант Эрик Уордл; он вошел в палатку, прижимая к уху мобильник. – Я уже обеспечил проезд.

Карвер только фыркнул. Его злило еще и то, что Уордл в открытую наслаждался всеобщим вниманием. По-мальчишески привлекательный, с густыми, выющимися каштановыми волосами, припорошенными снегом, он, по мнению Карвера, заигрывал с каждым, кому удавалось пробиться ближе к палатке.

– Сами разойдутся, как только труп увезем, – сказал Уордл, высовываясь на улицу и позируя перед объективами.

– Черта с два они разойдутся, пока мы тут в убийство играем! – рявкнул Карвер.

Уордл промолчал, не поддаваясь на провокацию. Но Карвер все равно взорвался:

– Эта курица сама из окна сиганула! Никого с ней не было. А твоя, с позволения сказать, свидетельница до того обдолбалась, что...

– Едет!

Выскользнув из палатки, Уордл, к отвращению Карвера, эффектно встретил санитарную машину.

История эта заслонила собой политические коллизии, войны и катастрофы; каждая ее версия сопровождалась фотографиями безупречного личика и гибкой, точеной фигуры. В считанные часы крупницы достоверной информации как вирус распространились среди миллионов: прилюдный скандал со знаменитым бойфрендом, поездка домой в одиночку, подслушанные крики и финальное, фатальное падение...

Бойфренд спешно укрылся в наркологической клинике, а полиция хранила молчание; были установлены все, кто в тот роковой вечер общался с погибшей; материала хватило на тысячи газетных колонок и многочасовые выпуски теленовостей, а та женщина, которая поклялась, что непосредственно перед падением тела слышала шум очередной ссоры, даже прославилась, хотя и ненадолго: ее фотографии, пусть небольшого формата, появились рядом с портретами жертвы.

Но вскоре, под едва ли не явственный стон всеобщего разочарования, выяснилось, что свидетельница солгала, после чего укрылась в наркологической клинике, а знаменитый первоначальный подозреваемый, наоборот, перестал прятаться, словно это были фигурки в альпийском барометре-домике, мужская и женская, способные появляться только по очереди.

Итак, самоубийство; после непродолжительной паузы история обрела слабое второе дыхание. Стало известно, что погибшая отличалась неуравновешенным, нестабильным характером, была подвержена звездной болезни, водила знакомство с безнравственными олигархами, которые ее развратили, а погружение в непривычный для нее беспорядочный

образ жизни окончательно разрушило и без того хрупкую личность. Ее трагедия стала скорбным наизиданием для других; журналисты так часто использовали сравнение с Икаром, что желчный «Прайвит ай»^[1] даже опубликовал целую статью на эту тему.

Но в конце концов ажиотаж пошел на убыль, и даже газетчикам больше нечего было сказать, кроме того, что все уже сказано.

Часть первая

Nam in omni adversitate fortunae infelicissimum est genus infortunii, fuisse felicem.

Ведь при всякой превратности фортуны самое тяжкое несчастье в том, что ты был счастлив.

Бозций. Утешение философией^{[\[2\]](#)}

Три месяца спустя

Какие только драмы и перипетии не случались с Робин Эллакотт за двадцать пять лет ее жизни, но ни разу еще она не просыпалась в твердой уверенности, что наступающий день запомнится ей навсегда.

Накануне, уже за полночь, ее давний бойфренд Мэтью сделал ей предложение под статуей Эроса на площади Пиккадилли. Когда Робин ответила согласием, у него от волнения даже закружилась голова и он признался, что хотел попросить ее руки еще за ужином, в тайском ресторане, но его остановило присутствие сидевшей рядом молчаливой парочки, которая жадно ловила каждое их слово. Поэтому он убедил Робин побродить в сумерках по улицам, хотя она твердила, что завтра им обоим рано вставать; однако на него уже нахлынуло вдохновение, и он направился в сторону пьедестала, чем несказанно ее удивил. Там, на холодном ветру, отбросив свою сдержанность (чего с ним никогда не бывало), Мэтью опустился на одно колено поблизости от трех закутанных бомжей, распивавших, судя по всему, метиловый спирт, и попросил ее стать его женой.

По мнению Робин, это было самое великолепное предложение руки и сердца за всю историю брачных союзов. У Мэтью в кармане даже лежало кольцо, которое сейчас поблескивало у нее на пальце: идеально подходящее по размеру, с сапфиром и парой бриллиантов; на обратном пути она не сводила с него глаз, держа руку на его коленке. Теперь у них с Мэтью появилось захватывающее семейное предание – из тех, что рассказывают детям: как он продумал свой план (ей было приятно, что он все продумал) и не растерялся от неожиданных помех, а решил действовать экспромтом. Ей было приятно все: и эти бомжи под луной, и растерянный, взволнованный Мэтью, опустившийся на одно колено, и Эрос на грязноватой, до боли знакомой Пиккадилли, и черное такси, которое везло их домой, в Клэпхем. Она уже готова была полюбить весь Лондон, к которому так и не привыкла за целый месяц, что прожила в этом городе. Сияние кольца смягчило даже бледные, неприветливые лица пассажиров метро; выходя со станции Тотнем-Корт-роуд на утренний мартовский холод, она тронула большим пальцем платиновый ободок и почувствовала, как ее захлестнула радость при мысли о том, что в обеденный перерыв можно будет закупить ворох свадебных журналов. Под внимательными мужскими взглядами она преодолевала раскопанный участок Оксфорд-стрит, сверяясь с зажатым в правой руке листком. По всем меркам Робин была недурна собой: высокая, фигуристая, с длинными, светлыми, чуть рыжеватыми волосами, которые подрагивали от каждого стремительного шага; ко всему прочему, холодный воздух тронул румянцем ее щеки. Ей предстояло взять на себя обязанности временной секретарши сроком на одну неделю. Съехавшись в Лондоне с Мэтью, она подрабатывала тем, что выходила на замену по заявкам различных фирм, хотя уже наметила несколько собеседований для устройства на «нормальную», по ее выражению, работу.

Главная трудность этой тоскливой деятельности подчас заключалась в том, чтобы отыскать нужный офис. После ее родного йоркширского городка Лондон выглядел гигантским, запутанным и неприступным. Мэтью не раз предупреждал, чтобы на улице она не утыкалась носом в путеводитель, – это выдавало в ней приезжую и могло повлечь за собой любые напасти. Поэтому Робин в основном полагалась на схематичные планы, которые в

агентстве по временному трудоустройству кто-нибудь чертил для нее от руки. Впрочем, она была далеко не уверена, что с этими листками выглядит коренной столичной жительницей.

Из-за металлических баррикад и синих пластиковых заграждений, которыми был обнесен раскопанный тротуар, она плохо понимала, куда двигаться дальше, потому что не видела нанесенных на план ориентиров. Перейдя на другую сторону перед высоким офисным зданием, которое значилось у нее как «Сентр-пойнт»^[3] и частыми квадратами окон напоминало исполинскую бетонную вафлю, Робин понадеялась, что скоро окажется на Денмарк-стрит.

Эту короткую улочку она нашла почти случайно, миновав узкий проезд под названием Денмарк-плейс и увидев перед собой ряды живописных витрин с гитарами, синтезаторами и массой других музыкальных принадлежностей. На проезжей части зиял очередной раскоп, обнесенный красно-белым заграждением; рабочие в фосфоресцирующих жилетах приветствовали девушку оживленным утренним гиканьем, но она делала вид, что не слышит.

Робин посмотрела на часы. Как правило, она приезжала с запасом – на тот случай, если не сразу найдет указанный адрес, и сейчас у нее оставалось еще пятнадцать минут. Непрезентабельная дверь, выкрашенная в черный цвет, располагалась слева от бара «12 тактов»; у кнопки звонка третьего этажа на линованной бумажке, прилепленной скотчем, была нацарапана фамилия хозяина одного из офисов. В какой-нибудь другой день, не будь у нее на пальце новехонького, сверкающего кольца, она бы, наверное, сочла это форменным безобразием, но сегодня и неряшливая бумажонка, и облупленная краска выглядели подобно вчерашним бродягам, всего лишь причудливым фоном ее великого романа. Робин еще раз проверила время (от блеска сапфира у нее зашло сердце: таким камнем можно любоваться до конца своих дней) и в приливе эйфории решила явиться пораньше, чтобы продемонстрировать служебное рвение, от которого по большому счету ничего не зависело.

Не успела она позвонить, как черная дверь распахнулась и на тротуар выскочила какая-то женщина. На один странно затянувшийся миг они впились друг в дружку глазами: каждая уже приготовилась к столкновению. Этим волшебным утром все чувства Робин обострились до предела; на нее произвело такое впечатление это белое как мел лицо, виденное лишь долю секунды, что она, увернувшись от столкновения лишь на какой-то сантиметр и проводив глазами быстро скрывшуюся за углом темноволосую незнакомку, с портретной точностью запечатлела в памяти этот облик. Бледное лицо запомнилось не только своей необычайной красотой, но и особым выражением: злобным и в то же время довольным.

Робин успела придержать дверь и вошла в неопрятный подъезд. Древнюю клеть давно умершего лифта огибала столь же старомодная винтовая лестница. С осторожностью переставляя ноги, чтобы шпильки не застряли в металлической решетке ступенек, Робин благополучно миновала площадку второго этажа, где на одной из дверей красовался заламинированный и вставленный в раму постер: «Фирма „Крауди“. Графический дизайн». Но, только лишь поднявшись этажом выше, она поняла, куда ее направило агентство. Хотя бы предупредили! На стеклянной двери было выгравировано то же имя, что читалось на бумажке у входа: «К. Б. Страйк», а ниже – «частный детектив».

С приоткрытым ртом она застыла на месте, охваченная восторгом, какого не понял бы никто из ее знакомых. Ни одной живой душе (даже Мэтью) Робин не открывала тайную, сокровенную мечту всей своей жизни. Выходит, сбылось, да еще в такой день! Как будто ей подмигнул сам Всевышний. (Вот что значит магия того дня – Мэтью, кольцо... хотя, если здраво рассудить, какая тут связь?)

Ликуя, Робин медленно сделала пару шагов вперед и вытянула левую руку (в тусклом свете сапфир казался густо-синим), но не успела коснуться дверной ручки, как стеклянная дверь точно так же распахнулась у нее перед носом.

На этот раз столкновения избежать не удалось. На нее обрушился невидящий, всклокоченный центнер мужского веса; не удержавшись на ногах, Робин неуклюже взмахнула руками, выронила сумку и полетела назад, к смертельно зияющей железной лестнице.

Страйк принял удар легко. Оглушенный пронзительным воплем, он, недолго думая, выбросил вперед длинную ручищу и сграбастал складку одежды вместе с живой плотью; тут от каменных стен эхом отозвался второй вопль, но Страйк мощным рывком сумел вернуть девушку в вертикальное положение. Ее крики все еще отдавались в лестничном пролете, и у Страйка невольно вырвалось:

– Тьфу, зараза!

У входа в его контору стонала и корчилась от боли незнакомая девушка. Видя, что ее перекосило на один бок, а рука зарылась под застежку пальто, Страйк заключил, что во время спасательной операции ненароком помял ей левую грудь. Раскрасневшееся девичье лицо скрывала завеса густых светлых прядей, но Страйк разглядел, что по щекам бегут слезы.

– Черт... простите! – Его зычный голос прогремел на весь подъезд. – Не заметил... Я никого не ждал...

Со второго этажа подал голос чудаковатый дизайнер-одиночка: «Что там у вас происходит?»; вслед за тем сверху глухо заворчал управляющий нижним кафе, который снимал жилье в мансарде, как раз над офисом Страйка: его тоже встревожили, а может, и разбудили крики на лестнице.

– Зайдите...

Кончиками пальцев, чтобы только не коснуться скрюченной фигуры, привалившейся к стене, Страйк толкнул стеклянную дверь.

– Ну что, разобрались там? – сварливо выкрикнул дизайнер.

Страйк помог ей войти в офис и с грохотом захлопнул дверь.

– Я в полном порядке, – дрожащим голосом солгала Робин, которая стояла к нему спиной и все еще держалась за грудь.

Через несколько секунд она выпрямилась и повернулась к Страйку: ее багровое лицо по-прежнему было мокрым от слез.

Невольный обидчик оказался настоящим громилой: высоченный, заросший, как медведь гризли, да еще с брюшком; под левой бровью ссадина, глаз подбит, левая щека, равно как и правая сторона мощной шеи, видневшаяся из расстегнутого ворота рубашки, исполосована глубокими царапинами с запекшейся в них кровью.

– Вы м-мистер Страйк?

– Он самый.

– Я... я... на замену.

– Куда-куда?

– На замену, временно. Из агентства «Временные решения», понимаете?

Название агентства не стерло недоумения с его разукрашенной физиономии. Взаимная неприязнь, смешанная с нервозностью, нарастала. Как и Робин, Корморан Страйк знал, что на всю жизнь запомнит истекшие сутки. А теперь, похоже, злой рок прислал к нему свою вестницу в просторном бежевом тренче, чтобы напомнить о неминуемой и уже близкой катастрофе. Какие могут быть замены? Уволив прежнюю секретаршу, он посчитал, что контракт с агентством аннулирован.

– И на какой же срок?

– Д-для начала на одну неделю, – ответила Робин, которая впервые встретила такой

неласковый прием.

Страйк быстро прикинул кое-что в уме. Одна неделя, учитывая грабительские расценки агентства, грозила ему финансовой пропастью – он и без того превысил все лимиты, а основной кредитор не раз намекал, что только ждет удобного случая.

– Я сейчас.

Он вышел за стеклянную дверь, свернул направо и заперся в тесном, промозглом сортире. Из пятнистого, в трещинах зеркала над раковиной на него смотрел довольно странный тип. Высокий, крутой лоб, приплюснутый нос, густые брови – этакий еще не старый Бетховен в роли боксера; заплывший глаз с фингалом только усиливал это впечатление. Густые курчавые волосы, жесткие, как щетина, объясняли, почему в молодые годы ему дали кличку Лобок, не говоря уже о разных других прозвищах. Выглядел он куда старше своих тридцати пяти.

Вставив заглушку в сливное отверстие давно не мытой раковины, он открыл кран, а потом сделал глубокий вдох и опустил голову в холодную воду, чтобы унять стук в висках. Вода хлынула через край прямо ему на ботинки, но он предпочел этого не замечать и с десяток секунд наслаждался слепой ледяной неподвижностью.

У него в мозгу проносились разрозненные картины прошлой ночи: как он под ругань Шарлотты закидывал в рюкзак содержимое трех ящиков комода; как ему в бровь полетела пепельница, когда он напоследок оглянулся, как ноги темными улицами несли его в контору, где он пару часов подремал в своем рабочем кресле. Дальше – гнусная сцена, когда Шарлотта ворвалась к нему на рассвете, чтобы вонзить в него последние бандерильи, оставшиеся от ночного скандала; исполосовав ему ногтями лицо, она ринулась прочь, и он твердо решил отпустить ее на все четыре стороны, но в минутном помрачении рассудка бросился следом: погоня завершилась так же стремительно, как и началась, потому что на его пути по недомыслию возникла эта пустоголовая девица, которую пришлось ловить на лету, а потом еще и успокаивать.

Распрямившись, Страйк издал судорожный вздох и удовлетворенно фыркнул; лицо и вся голова приятно онемели, кожу покалывало. Он досуха вытерся заскорузлым полотенцем, висевшим на двери, а потом еще раз поглядел на свое отражение. Запекшаяся кровь отмокла, и царапины теперь выглядели примерно как следы от смятой подушки. Шарлотта, по всей вероятности, уже дошла до метро. Почему, собственно, он и ринулся за ней следом: у него мелькнула безумная мысль, что она может броситься под поезд. Однажды, когда им было лет по двадцать пять, у них уже случился похожий эпизод: она напилась, залезла на крышу, остановилась, покачиваясь, на самой кромке и грозила прыгнуть. Наверное, он должен был бы сказать спасибо агентству «Временные решения»: ведь это оно в конечном счете пресекло его погоню. После утренней сцены пути назад все равно не было. И точка.

Оттянув от шеи намокший воротник, Страйк повозился с ржавой задвижкой и направился к стеклянной двери.

На улице грохотал отбойный молоток. Робин стояла у письменного стола, спиной к входу; от Страйка не укрылось, что при его появлении она резко выдернула руку из-под лацкана пальто – не иначе как снова массировала грудь.

– У вас... вам больно? – спросил он, избегая смотреть на травмированный орган.

– Со мной все в порядке. Послушайте, если секретарь-референт вам не нужен, я пойду, – с достоинством выговорила Робин.

– Нет-нет... ни в коем случае. – Страйк с отвращением прислушивался к собственным

словам. – На одну неделю – как раз то, что надо. Э-э-э... Вот тут корреспонденция... – Он поднял с коврика кипу писем и бросил их на голый стол как искупительное жертвоприношение. – Будьте добры, просмотрите... отвечайте на телефонные звонки, слегка тут приберите... пароль компьютера – Hatherill-два-три, давайте я запишу... – Он проделал это под ее настороженным, опасливым взглядом. – Вот, держите... Если что – я у себя.

Он осторожно затворил за собой дверь и остановился, глядя на стоявший под голым столом рюкзак. В нем уместились его пожитки – одна десятая того, что осталось в квартире у Шарлотты и, скорее всего, никогда к нему не вернется. К полудню те вещи будут сожжены, вышвырнуты на улицу, изрезаны, затоптаны, растворены в хлорке. За окном безжалостно тарахтел отбойный молоток.

Гигантские долги, платить нечем, крах неизбежен, последствия непредсказуемы, Шарлотта начнет изощренно пакостить в отместку за его уход... Страйк обессилел; все эти напасти адским калейдоскопом закрутились у него перед глазами.

Не чуя под собой ног, он сам не заметил, как рухнул в то же самое кресло, где провел остаток минувшей ночи. За тонкой перегородкой слышалось какое-то движение. Не иначе как «Временные решения» включили компьютер и очень скоро выяснят, что за три недели ему не поступило ни единого предложения по бизнесу. А потом – он же сам попросил – секретарша начнет вскрывать конверты и просматривать последние требования. Усталость, ссадины и голод сделали свое дело: Страйк опять уткнулся лицом в стол, спасательным кругом подложив руки под голову, чтобы не видеть и не слышать, как незнакомая девица у него в приемной станет вытаскивать на свет его позор.

Через пять минут в дверь постучали; Страйк, у которого уже слиплись глаза, подскочил в кресле.

– Можно?

В подкорке опять возникла Шарлотта, но в кабинет, как ни странно, вошла все та же малознакомая девица. Теперь она была без пальто – в кремовом джемпере, который мягко и даже соблазнительно облегал изгибы тела. Страйк заговорил с ее лбом:

– Что такое?

– К вам клиент. Вы сможете его принять?

– Не понял?

– Клиент, мистер Страйк.

Несколько мгновений он таращился на нее, переваривая эту информацию.

– Да, хорошо... нет, дайте мне пару минут, Сандра, а потом пусть заходит.

Она исчезла без единого слова.

Страйк на долю секунды задумался, почему вдруг назвал ее Сандрой, но потом торопливо вскочил; по его виду и запаху нетрудно было угадать человека, который спал в одежде. Запустив руку в рюкзак, он нашарил зубную пасту и выдавил длинную колбаску прямо в рот; намокший в раковине галстук еще не просох, рубашка была забрызгана кровью – он сорвал с себя и то и другое, да так, что отлетающие пуговицы только отскакивали от стен и от картотечного шкафа, вытащил мятую, но зато свежую рубашку и мигом застегнул ее на себе толстыми пальцами. Рюкзак был тут же задвинут за пустой шкаф, а Страйк без промедления вернулся к письменному столу и на всякий случай прочистил внутренние уголки глаз, размышляя, не померещился ли девице так называемый клиент и хватит ли у того реальных денег на частного детектива. За те полтора года, что дела Страйка медленно, но верно шли под откос, он понял, что вопросы эти – далеко не праздные. Он до сих пор не вытряс из двух клиентов оплату своих услуг; третий клиент и вовсе отказался платить, когда Страйк раскопал какие-то нелицеприятные для того прохиндея факты, а увязший в долгах Страйк даже не смог позволить себе нанять адвоката, тем более что удорожание аренды в центральных районах Лондона грозило вот-вот лишить его офиса – предмета особой гордости. В своем воображении он нередко прокручивал жесткие и грубые методы выколачивания денег; приятно было наблюдать, хотя бы мысленно, как наглые должники забиваются в угол при виде бейсбольной биты.

Дверь снова открыли; Страйк уже сидел за столом. Он резко выдернул из ноздри указательный палец и расправил плечи, приняв бодрый, деловой вид.

– Мистер Страйк, к вам мистер Бристоу.

Следом за Робин в кабинет вошел потенциальный клиент. Он производил обнадеживающее впечатление. Пусть в его облике было нечто кроличье (короткая верхняя губа, крупные передние зубы, сам какой-то бесцветный), пусть глаза – судя по всему, близорукие – скрывались за толстыми линзами очков, зато от безупречного серого костюма, от блестящего ярко-голубого галстука, от часов и ботинок так и веяло большими деньгами.

Крахмальная белоснежность его сорочки стала неммым укором Страйку, который внутренне содрогнулся от собственной помятости. Чтобы не спасовать перед лицом чужого щегольства, он вытянулся во весь свой двухметровый рост, протянул клиенту волосатую руку

и напустил на себя вид предельно занятого специалиста, которому некогда думать о стирке и глажке.

– Корморан Страйк. Добрый день.

– Джон Бристоу, – представился вошедший, пожимая протянутую руку.

Голос у него был приятного тембра, интеллигентный, неуверенный. Взгляд устремился на подбитый глаз Страйка.

– Чай, кофе, джентльмены? – спросила Робин.

Бристоу попросил маленький черный кофе, а Страйк промолчал: краем глаза он увидел в приемной девушку с тяжелыми бровями, одетую в старомодный твидовый костюм. Она сидела на потертом диванчике возле входной двери. У Страйка шевельнулась дерзкая надежда, что к нему пожаловали сразу двое клиентов. Не прислали же ему вторую временную секретаршу?

– А для вас, мистер Страйк? – уточнила Робин.

– Что? Да-да... черный кофе, два куска сахара, будьте добры, Сандра, – машинально выпалил он.

Выходя из кабинета, Робин скривилась, и тут он вспомнил, что ни кофе, ни сахара у него не водится, да и чашек тоже.

Усевшись в кресло, Бристоу обвел глазами неуютный кабинет; Страйк огорчился, когда уловил в его взгляде нечто очень похожее на разочарование. Новый клиент вел себя нервно и как-то виновато; у Страйка такая манера ассоциировалась с ревнивыми мужьями, но от посетителя исходила определенная властность, хотя такое впечатление создавал в основном вопиюще дорогой костюм. Страйку оставалось только гадать, как на него вышел подобный субъект. Вряд ли его привела сюда молва: на тот момент у Страйка была всего одна клиентка, да и та постоянно рыдала в телефон, жалуясь на свое одиночество.

– Чем могу служить, мистер Бристоу? – спросил Страйк, также опустившийся в кресло.

– Видите ли... мм... на самом деле мне просто нужно проверить... Кажется, мы с вами уже встречались.

– Разве?

– Вы меня, конечно, не помните, это было давным-давно... сдается мне, вы дружили с моим братом Чарли. Чарли Бристоу. Он погиб... несчастный случай... ему было девять лет.

– Мать честная! – воскликнул Страйк. – Чарли... да, конечно помню!

И в самом деле, память его не подвела. Чарли Бристоу был одним из множества ребят, с кем подружился Страйк за годы своего детства, которое прошло в разладах и разъездах. Симпатяга, хулиган, смельчак, главарь самой крутой банды в лондонской школе, куда перевели Страйка, Чарли увидел здорового новичка, говорившего с потешным корнуолльским акцентом, и тут же приблизил его к себе. За этим последовали два месяца закадычной дружбы и бесшабашных проделок. Страйка всегда привлекал домашний уют, которым не были обделены другие мальчишки: они росли в нормальных, приличных семьях и спали в отдельной комнате, которая годами сохранялась за своим обитателем, – Чарли не стал исключением. Страйк живо вспоминал большой, роскошный дом, где жил Чарли. Запомнились ему и длинный, залитый солнцем газон, и шалаш на дереве, и лимонная шипучка со льдом, которую готовила для них мать Чарли.

А потом настал тот день неопишемого ужаса, когда они вернулись в школу после пасхальных каникул и классная руководительница объявила, что Чарли больше нет, что он погиб в Уэльсе: гонял на велосипеде по кромке карьера и сорвался вниз, на камни. Эта

училка, старая калоша, не упустила случая подчеркнуть, что ему было строго-настрого запрещено играть у карьера, но Чарли, который, как всем известно, зачастую не слушался старших, в очередной раз поступил по-своему – видимо, бравировал перед местными... Тут ей пришлось умолкнуть, потому что две ученицы за первой партой в голос расплакались.

С той поры Страйк, видя перед собой карьер (хоть наяву, хоть мысленно), всякий раз представлял, как разбивается смешливое белобровое мальчишеское лицо. Он подозревал, что все одноклассники Чарли сохранили в душе этот страх перед огромной темной ямой, крутым обрывом и безжалостным щебнем.

– Чарли забыть невозможно, – сказал он.

У Бристоу слегка дрогнул кадык.

– Конечно. Понимаете, мне врезалось в память ваше имя. Чарли все время о вас говорил – даже тогда, на каникулах, незадолго до своей гибели. «Мой друг Страйк», «Корморан Страйк». Необычное сочетание, правда? Не знаете, откуда произошла ваша фамилия? Мне она нигде больше не встречалась.

Бристоу был не первым, кто ходил вокруг да около: люди частенько заводили беседы о погоде, о плате за въезд в центр города, о сортах чая и кофе, лишь бы оттянуть разговор о том деле, которое, собственно, и привело их сюда.

– Я слышал, это слово имеет отношение к зерну, – сообщил Страйк. – Какая-то мера зерна.

– В самом деле? А первая мысль – что оно имеет отношение к стрелялкам или забастовкам^[4], ха-ха... значит, нет... Видите ли, когда я раздумывал, к кому бы обратиться, мне в справочнике попала ваша фамилия. – У Бристоу задрожало колено. – Думаю, вы понимаете, как я... какое у меня... в общем, это был знак свыше. Знак от Чарли. Подтверждение, что я на правильном пути.

Он сглотнул, и кадык опять дернулся.

– Это понятно, – осторожно подытожил Страйк, надеясь, что его не принимают за медиума.

– Видите ли, речь идет о моей сестре, – отважился Бристоу.

– Так. Она попала в беду?

– Она погибла.

У Страйка чуть не вырвалось: «Как, и она тоже?» – но вслух он с той же осторожностью произнес:

– Мои соболезнования.

Судорожным кивком Бристоу показал, что соболезнования приняты.

– Я... это нелегко. Во-первых, вам нужно знать: мою сестру зовут... звали... Лула Лэндри.

Надежда, на краткое время вспыхнувшая с появлением этого человека, стала могильной плитой клониться вперед и неумолимо придавила Страйка. Сидевший напротив него посетитель слегка тронулся умом, а может, и окончательно спятил. Проще было поверить в существование двух одинаковых снежинок, чем в родство этого блеклого кролика и бронзовой, длинноногой, экзотической красавицы, какой была Лула Лэндри.

– Наши родители ее удочерили, – покорно объяснил Бристоу, словно читая мысли Страйка. – Мы все были приемными детьми.

– Так-так.

Страйк никогда не жаловался на память; вернувшись мыслями в тот огромный,

прохладный, удобно спланированный дом с бескрайним садом, он вспомнил, как во главе складного столика, вынесенного на свежий воздух, восседала томная блондинка – мать семейства, как в отдалении рокотал грозный бас отца, как насупленный старший брат уминал фруктовый торт, а Чарли дурачился и смешил мать своими выходками, но никакой девочки там не было.

– С Лулой вы, скорее всего, не встречались, – продолжал Бристоу, как будто Страйк высказал свои сомнения вслух. – Ее взяли в семью уже после смерти Чарли, в четырехлетнем возрасте. До этого она пару лет жила в детском доме. Мне тогда было почти пятнадцать. Как сейчас помню: я стоял в дверях и смотрел, как отец идет к дому и несет ее на руках. На ней была красная вязаная шапочка. Мама до сих пор ее хранит.

Тут Джон Бристоу вдруг разрыдался. Зрелище было не из приятных: он горбился, содрогался и закрывал лицо; между пальцев текли слезы и сопли. Пару раз создалось впечатление, что он вот-вот успокоится, но рыдания накатывали с новой силой.

– Простите... простите... боже...

Он задыхался, всхлипывал, промокал глаза под стеклами очков скомканным носовым платком и никак не мог взять себя в руки.

Толкнув дверь, Робин внесла в кабинет поднос. Бристоу отвернулся, но его выдавали судорожно вздрагивающие плечи. Страйк успел еще раз взглянуть на девушку в костюме; та хмуро таранилась из приемной в его сторону поверх номера «Дейли экспресс».

Робин поставила на стол две чашки, молочник, сахарницу, вазочку с шоколадным печеньем (все это Страйк видел впервые), вежливо улыбнулась в ответ на благодарность и собралась выйти.

– Постойте, Сандра, – остановил ее Страйк. – Можно вас попросить...

Он взял со стола листок бумаги и незаметно положил его на колено. Пока Бристоу хлюпал носом, Страйк начал писать, очень быстро и по мере сил разборчиво:

Поуглите «Лула Лэндри»: правда ли, что ее удочерили, и если да, то кто. С посетительницей (что ей надо?) ничего не обсуждайте. Ответы запишите и принесите мне. Ни слова вслух.

Робин молча приняла у него записку и вышла из кабинета.

– Простите... Мне так неловко, – выдавил Бристоу, когда дверь закрылась. – Это не... Обычно я не... Я уже вернулся к работе, веду дела клиентов...

Он несколько раз сделал глубокий вдох. Покрасневшие глаза еще больше усиливали его сходство с кроликом-альбиносом. Правое колено опять задергалось.

– Для меня это было очень тяжелое время, – прошептал он, стараясь дышать ровнее. – Лула... а теперь вот мама при смерти.

От одного вида шоколадного печенья у Страйка потекли слюнки: он зверски проголодался, но жевать под всхлипы, охи и вздохи Бристоу было бы хамством. На улице пулеметной очередью грохотал отбойный молоток.

– После гибели Лулы мама совсем сдала. Сломалась. У нее онкология. Заболевание было в стадии ремиссии, но сейчас опять наступило ухудшение, и врачи говорят, что помочь ей уже нельзя. Понимаете, она пережила две такие трагедии. Когда не стало Чарли, она едва не лишилась рассудка. Тогда-то отец и подумал, что ей нужен еще один ребенок. Родители всегда хотели девочку. Они подали заявку, но не сразу получили разрешение, а тут

подвернулась Лула, мулатка, – таких неохотно берут в семьи; вот так и получилось, что она вошла в наш дом, – сдавленно подытожил Бристоу. – Красавицей б-была с детства. Как-то раз мама взяла ее с собой по магазинам, и Лулу заметили на Оксфорд-стрит. Ею заинтересовалась «Афина». Это одно из самых престижных агентств. К семнадцати годам сестра стала профессиональной моделью. На момент смерти ее состояние оценивалось примерно в десять миллионов. Не знаю, зачем я вам это рассказываю. Вы, наверное, и так в курсе. Лула была на виду – люди считали, что знают о ней все.

Он неловко, трясущимися пальцами взялся за чашку и пролил кофе на безупречно отутюженные брюки.

– Что же конкретно вы хотели мне поручить? – осведомился Страйк.

Опустив дрожащую чашку, Бристоу крепко сцепил пальцы.

– По общему мнению, моя сестра покончила с собой, но я в это не верю.

Страйк вспомнил телевизионные репортажи: черный пластиковый мешок поблескивал под непрерывными вспышками камер, когда его на носилках грузили в машину; папарацци, сбившись плотной кучкой, направляли объективы на слепые окна, и от черных стекол отскакивали белые блики. Как и любой вменяемый британец, Страйк знал о смерти Лулы Лэндри больше, чем ему хотелось или требовалось. Когда тебя со всех сторон грузят такой историей, ты волей-неволей впитываешь факты и составляешь собственное мнение, подчас настолько предвзятое, что у тебя даже не остается морального права войти в число присяжных.

– Но ведь расследование было проведено по всей форме?

– Да, но главный следователь изначально склонялся к версии самоубийства – только лишь потому, что Лула принимала препараты лития. Он упустил из виду множество фактов – об этом даже писали в интернете.

Бристоу бессмысленно потыкал пальцем в поверхность стола, где должен был стоять компьютер.

Вежливый стук – и в кабинете появилась Робин, которая передала Страйку сложенный листок и тут же вышла.

– Простите, – сказал Страйк. – Мне давно обещали прислать эту информацию.

Чтобы Бристоу не подсматривал, он развернул записку на колене и прочел:

В возрасте четырех лет Лулу Лэндри удочерили – сэр Алек и леди Иветта Бристоу. Росла под именем Лулы Бристоу, но в модельном бизнесе взяла девичью фамилию матери. Есть старший брат Джон, адвокат. В приемной ждет девушка м-ра Бристоу, по профессии – секретарь. Оба работают в фирме «Лэндри, Мей, Паттерсон», основанной дедом Лулы и Джона по материнской линии. Фото Джона Бристоу на сайте ЛМП идентично внешности вашего посетителя.

Скомкав записку, Страйк бросил ее в корзину для бумаг, стоявшую под столом. У него отнялся язык. Значит, Джон Бристоу вовсе не фантазировал, а он, Страйк, получил такую деловую и грамотную временную секретаршу, каких еще не встречал.

– Извините. Продолжайте, пожалуйста, – обратился он к Бристоу. – Вы остановились на... расследовании?

– Да-да, – подтвердил Бристоу, промокая кончик носа мокрым платком. – Конечно, у Лулы были проблемы, я не отрицаю. Мама с ней намучилась. Это началось со смертью

отца... вы, очевидно, в курсе, только ленивый об этом не писал... сестру исключили из школы за наркотики, и она махнула в Лондон, где мама разыскала ее в каком-то притоне, среди наркоманов. Лула довела себя до нервного расстройства, сбежала из клиники... вечные скандалы, ни дня покоя. Но в конце концов ей поставили диагноз «маниакально-депрессивный психоз» и назначили соответствующее лечение; с тех пор она сидела на таблетках, зато чувствовала себя прекрасно – вы бы вообще ничего не заподозрили. Даже коронер допустил, что психотропы стали для нее спасением, а вскрытие это подтвердило. Однако же и полиция, и коронер зациклились на одном: у девушки был психиатрический диагноз. Вот они и твердили: она, мол, страдала депрессиями; но я-то знаю, что никакими депрессиями Лула не страдала. В день ее гибели, с утра, мы с ней виделись – она была в отличном настроении. Дела у нее шли в гору, особенно карьера. Недавно ей предложили пятимиллионный контракт сроком на два года, она меня попросила его проверить – там все как надо, не подкопаешься. С этим модельером, Сомэ, – полагаю, вы о нем слышали? – у нее сложились самые добрые отношения. У Лулы график был расписан на месяцы вперед: сейчас ей предстояла фотосессия в Марокко, а она обожала путешествовать. Как видите, у нее не было причин сводить счеты с жизнью.

Страйк вежливо кивал, хотя этот рассказ его не убедил. Самоубийцы, как подсказывал опыт, ловко симулируют интерес к будущему, в котором не видят для себя места. У этой Лэндри золотисто-розовое утро вполне могло смениться мрачным, безнадежным днем, не говоря уже о половине роковой ночи; Страйк мог бы рассказать не один такой случай. Взять хотя бы лейтенанта Королевского стрелкового полка: в ночь после своего дня рождения этот офицер, всеобщий любимец, проснулся и черкнул родным записку, в которой просил их не заходить в гараж и вызвать полицию. Тело, свисающее с балки гаража, обнаружил шестнадцатилетний сын покойного: парень на рассвете побежал через кухню за велосипедом и не заметил оставленную на столе записку.

– Это еще не все, – продолжил Бристоу. – Имеются доказательства, веские доказательства. Хотя бы показания Тэнзи Бестиги.

– Соседки, которая, по ее словам, слышала в верхней квартире ссору?

– Точно! Она слышала, как наверху орал мужчина, и сразу после этого Лула упала с балкона! Полицейские отмахнулись от ее слов по одной причине: эта соседка... она... перед этим нюхнула кокаина. Но это же не значит, что она ничего не соображала! Тэнзи до сих пор твердит, что за считанные секунды до своего падения Лула скандалила с каким-то мужчиной. Уж поверьте – мы с Тэнзи на днях беседовали. Наша фирма занимается ее бракоразводным процессом. Уверен, я смогу ее уговорить с вами встретиться.

Бристоу не спускал тревожного взгляда со Страйка, пытаясь угадать его реакцию.

– А кроме того, есть запись с камеры видеонаблюдения. Минут за двадцать до смерти Лулы некий человек идет в направлении Кентигерн-Гарденз, а затем, уже после ее гибели, тот же самый человек бежит как нахлестанный прочь от этого места. Его личность до сих пор не установлена – полиция даже не пыталась его разыскать.

С плохо скрываемой настырностью Бристоу теперь протягивал Страйку слегка помятый чистый конверт, извлеченный из кармана пиджака:

– Я все записал. Буквально по минутам. Полностью. Сами убедитесь: все сходится.

Появление этого конверта не добавило Страйку доверия к выводам посетителя. Чего только ему не вручали в таких же конвертах: корявые заметки – плоды одиноких размышлений, навязчивые идеи, нудные, однобокие домыслы, за которые цеплялись

клиенты, сложные расчеты, подогнанные под случайные совпадения. Между тем у адвоката уже начался нервный тик, опять задергалось колено, рука с конвертом затряслась.

В считанные секунды Страйк сопоставил, с одной стороны, эти признаки неуверенности, а с другой – шикарные, явно изготовленные на заказ ботинки плюс элитные часы «Вашерон Константин». Человек определенно при деньгах и готов раскошелиться – можно будет погасить хотя бы самый неотложный взнос по одному из просроченных займов. И все же, нехотя повинаясь голосу совести, Страйк начал:

– Мистер Бристоу...

– Зовите меня Джон.

– Джон... скажу честно. Я не хочу разводить вас на деньги.

Бледная шея Бристоу, а за ней и невыразительная физиономия пошли красными пятнами; он все еще держал перед собой конверт.

– Что значит «разводить на деньги»?

– Смерть вашей сестры, судя по всему, расследовали со всей возможной тщательностью. За каждым шагом следствия наблюдали миллионы людей во всем мире, в том числе и журналисты. Это обязывало полицейских быть особенно внимательными. Самоубийство – такая штука, с которой нелегко примириться...

– Я не примирился. И никогда не примирюсь. Она себя не убивала. Кто-то столкнул ее с балкона.

Отбойный молоток под окном вдруг умолк, и голос Бристоу загремел на весь кабинет; эта внезапная вспышка неистовства показывала, что робкий посетитель доведен до крайности.

– Понимаю. С вами все ясно. Вы такой же, как все, да? Мозгоправ доморощенный, черт бы вас подрал! Ах-ах, сперва Чарли, потом отец, теперь Лула, да еще матушка при смерти – ты всех потерял, тебе не к сыщику нужно, а к психиатру. Да мне уже плешь проели – думаете, вы один такой умный? – Бристоу вскочил; выглядел он вполне внушительно, несмотря на кроличьи зубы и пятнистую кожу. – Я человек небедный, Страйк. Уж извините за прямоту, но что есть, то есть. Отец завещал мне солидный доверительный фонд. Я узнал расценки на услуги частных сыщиков и готов платить по двойному тарифу.

По двойному тарифу. Совесть Страйка, некогда суровая и непреклонная, давно пошатнулась под многочисленными ударами судьбы, а теперь и вовсе была отправлена в нокаут. Низменная сторона его натуры уже рисовала радужные перспективы: через месяц можно будет расплатиться с этой секретаршей и погасить часть задолженности по аренде; через два месяца – отдать самые срочные долги... через три – возместить почти весь перерасход по счету... а через четыре...

Но тут Джон Бристоу, который уже шел к выходу, комкая в руках ненужный конверт, бросил через плечо:

– Я обратился не к кому попало, а к вам в память о Чарли, но перед этим навел справки – я же не полный идиот. Отдел специальных расследований военной полиции, верно? Боевые награды. Ваш офис произвел на меня впечатление полного убожества, – Бристоу сорвался на крик, и приглушенные женские голоса за дверью умолкли, – но, видимо, я ошибся, коль скоро вы позволяете себе отказываться от заработка. Рад за вас! Не переживайте, я без труда найду кого-нибудь другого. Извините, что оторвал от дел!

В течение последних двух минут их разговор все настойчивее проникал сквозь хлипкую перегородку; а когда утомился отбойный молоток и наступила внезапная тишина, слова Бристоу прозвучали в приемной вполне отчетливо.

Чтобы в такой день не портить себе настроение, Робин развлекалась как могла: она убедительно играла роль постоянного референта и тщательно скрывала от подруги Бристоу, что проработала здесь ровно полчаса. Когда из кабинета стал доноситься разговор на повышенных тонах, она не дрогнула ни одним мускулом, но инстинктивно приняла сторону Бристоу, не вникая в суть конфликта. Притом что род занятий и подбитый глаз Страйка придавали ему некое отрицательное обаяние, с ней он обходился просто безобразно, да и левая грудь у нее до сих пор болела.

Все это время подруга Бристоу неотрывно смотрела в сторону кабинета. Приземистая и очень смуглая, с жидкими волосами и асимметричной стрижкой, она постоянно хмурилась; это впечатление усиливали сросшиеся брови, хотя и выщипанные на переносице. Робин не раз замечала, что в парочки, как правило, объединяются люди одной степени привлекательности, хотя, конечно, есть факторы (например, толстый кошелек), способные заинтересовать и более привлекательного партнера. Робин даже тронуло, что Бристоу, который мог бы найти себе кого-нибудь посимпатичнее, судя по его шикарному костюму и престижному месту работы, выбрал именно эту девушку, – оставалось только надеяться, что она более сердечна и добра, чем предполагал ее внешний вид.

– Вы точно не хотите кофе, Элисон? – спросила Робин.

Посетительница обернулась, как будто начисто забыла о существовании Робин и удивилась, что с ней кто-то заговорил.

– Нет, спасибо, – ответила она глубоким и, как ни странно, мелодичным голосом. – Я понимаю, он злится, – добавила она с непонятым удовлетворением. – Уж как я только его не отговаривала – он и слушать ничего не желает. Похоже, этот, с позволения сказать, детектив ему отказал. И правильно сделал.

Вероятно, Робин не сумела скрыть удивление, потому что Элисон с легким раздражением продолжила:

– Если бы Джон смотрел в лицо фактам, ему бы самому стало легче. Она покончила с собой. Вся родня с этим примирилась, а он, видите ли, не может.

Изображать непонимание не имело смысла. Историю Лулы Лэндри знали все. Более того, Робин помнила, где именно застало ее в морозную январскую ночь известие о самоубийстве топ-модели: у кухонной раковины в доме родителей. По радио передавали новости; Робин даже ахнула от изумления и, в ночной рубашке, бросилась прочь из кухни, чтобы поделиться с Мэтью, который гостил у них в те выходные. Странно, что гибель совершенно чужого человека может так сильно тебя зацепить. Робин восхищалась внешностью Лулы Лэндри. Сама она смахивала на сельскую молочницу, а эта темнокожая топ-модель была яркой, хрупкой и дерзкой.

– Прошло еще не так много времени.

– Три месяца, – сказала Элисон, разворачивая «Дейли экспресс». – Этот сыщик – он хотя бы дело свое знает?

Она брезгливо разглядывала тесную, обшарпанную, давно требующую ремонта

приемную; на сайте ЛМП, куда только что заходила Робин, был показан идеальный, похожий на дворец офис, где работала посетительница. Отнюдь не из желания заступиться за Страйка, а просто из чувства собственного достоинства Робин холодно ответила:

– Еще как! Лучше многих.

И с видом профессионала, который на рабочем месте решает такие сложные и секретные вопросы, какие и не снились Элисон, она вскрыла розовый конверт с изображением котенка.

Тем временем Бристоу и Страйк замерли на расстоянии друг от друга: первый кипел от ярости, второй соображал, как бы объявить о своем согласии, не потеряв при этом лицо.

– Мне требуется только одно, Страйк, – хрипло выговорил Бристоу, багровый от волнения. – Справедливость.

Он как будто ударил по магическому камертону: это слово зазвенело в убогом кабинете и отозвалось неслышной, но протяжной нотой в груди Страйка. Бристоу словно нащупал сигнальную лампочку, которую Страйк сумел уберечь, когда все остальное разбилось. Он отчаянно нуждался в деньгах, но Бристоу дал ему другую, более вескую причину отбросить угрызения совести.

– О'кей. Теперь понятно. Я серьезно, Джон: мне все понятно. Давайте вернемся и присядем. Если вы не передумали, я возьмусь за это дело.

Бристоу испепелил его взглядом. В офисе было тихо, лишь снизу изредка долетали приглушенные голоса дорожных рабочих.

– Вы не хотите, чтобы к нам присоединилась ваша... э-э-э... супруга?

– Нет, – отрезал Бристоу, все еще держась за ручку двери. – Элисон считает, что это блажь. Не знаю, для чего она сюда приехала. Наверное, рассчитывала позлорадствовать, когда вы мне откажете.

– Прошу вас... Присядем. Давайте обо всем по порядку.

Бристоу заколебался, но все же направился к своему креслу.

Не утерпев, Страйк засунул в рот целый кружок шоколадного печенья, потом нашел в ящике стола чистый блокнот, откинул обложку, потянулся за ручкой и успел проглотить печенье, пока клиент устраивался на прежнем месте.

– Вы позволите? – Он указал на измятый конверт в руке у Бристоу.

Адвокат неуверенно вытянул руку с конвертом, как будто еще не решил, можно ли доверять этому типу. Страйк не хотел читать записи в присутствии Бристоу: он отложил их в сторону, едва заметно погладил конверт, как бы отмечая, что теперь это важный элемент расследования, и занес ручку:

– Джон, не могли бы вы для ускорения дела вкратце описать все, что произошло в день гибели вашей сестры?

По натуре дотошный и четкий, Страйк был приучен вести следствие проверенными, скрупулезными методами. Перво-наперво дай свидетелю выговориться: в свободном потоке речи проскальзывают какие-то мелочи, явные нестыковки, которые впоследствии могут сослужить бесценную службу. А дальше, собрав первый урожай впечатлений и воспоминаний, направляй разговор сам, чтобы строго и точно упорядочить факты: кто, где, зачем.

– Ох... – выдохнул Бристоу, словно растерявшись после бурного выплеска эмоций. – На самом деле я... дайте подумать...

– Когда вы с ней виделись в последний раз? – пришел на помощь Страйк.

– Это было... да, утром, в тот день, когда она погибла. Мы с ней... честно говоря, мы повздорили, но, слава богу, помирились.

– В котором часу вы встретились?

– Рано. Где-то после восьми, перед работой. Примерно без четверти девять, что ли.

– А из-за чего повздорили?

– Говорю же, из-за ее приятеля, Эвана Даффилда. Они как раз сошлись после разрыва. Когда они расстались, вся родня ликовала – мы думали, это навсегда. Он жуткий тип, наркоман, патологически самовлюбленный; очень плохо влиял на Лулу. Видимо, я высказал ей свое мнение в излишне жесткой форме, теперь... теперь я это понимаю. Я был на одиннадцать лет старше Лулы. Считал своим долгом ее защищать, понимаете? Наверное, иногда перегибал палку. Она всегда меня упрекала за непонимание.

– За непонимание чего?

– Ну... всего. У нее было много больных вопросов. Удочеренная. С темным цветом кожи в семье белых. Она говорила: тебе-то хорошо... Не знаю. Может, и вправду. – Он несколько раз моргнул за линзами очков. – На самом деле наша размолвка была продолжением другой – накануне мы поссорились по телефону. Я просто поверить не мог, что она имела глупость вернуться к Даффилду. Выходит, мы рано радовались... Мало того что сама в прошлом злоупотребляла наркотиками, так еще и связалась с наркоманом... – Он перевел дыхание. – Слышать ничего не хотела. Как всегда. Всех собак на меня спустила. Распорядилась, чтобы охрана на следующее утро не впускала меня в дом, но... в общем, Уилсон мне махнул: проходите, мол.

Довольно унизительно, подумал Страйк, полагаться на милость привратников.

– Я бы не стал подниматься, – уныло проговорил Бристоу, снова покрываясь пятнами, – но у меня на руках был ее контракт с Сомэ: она поручила мне проверить некоторые пункты, а сроки поджимали... Порой у нее просто не хватало терпения на такие вещи. Короче, Лула была недовольна, что меня пропустили наверх, и мы опять сцепились, но конфликт быстро погас. Она успокоилась. Тогда я ей передал, что мама просит ее заехать. Понимаете, мама только-только выписалась из больницы. Она перенесла гинекологическую операцию. Лула пообещала, что заедет немного позже, но не уточнила когда. Время у нее было расписано по минутам.

Бристоу сделал глубокий вдох; колено дергалось, узловатые руки нелепо терли одна другую, будто под струей воды.

– Не хочу, чтобы вы о ней плохо думали. Многие считали ее эгоисткой, но ведь в семье она была младшим и, естественно, избалованным ребенком, потом болезнь – мы с ног сбились, а в конце концов ее с головой затянул этот сумасшедший мир, где вокруг нее крутилось все: события, новые знакомые, папарацци. Это ненормальное существование.

– Согласен, – поддакнул Страйк.

– Так вот, я сказал Луле, что мама в тяжелом состоянии, и она пообещала заскочить к ней попозже. Я ушел. Заехал к себе в офис и взял у Элисон кое-какие документы – хотел поработать у матери дома, чтобы не оставлять ее одну. Лула приехала ближе к полудню. Посидела с мамой до приезда нашего дяди, заглянула в кабинет, где я работал, и попрощалась. Обняла меня перед тем, как...

У Бристоу дрогнул голос; взгляд уперся в колени.

– Еще кофе? – предложил Страйк.

Бристоу помотал склоненной головой. Чтобы дать ему время прийти в себя, Страйк

забрал поднос и направился в приемную.

С его появлением спутница Бристоу оторвалась от газеты и нахмурилась.

– Закончили? – спросила она.

– Как видите, нет, – ответил Страйк, даже не делая попытки улыбнуться. Под ее гневным взглядом он обратился к Робин: – Организуйте нам, пожалуйста, еще кофе, э-э?..

Поднявшись со своего места, Робин молча приняла у него поднос.

– Джону к половине одиннадцатого на работу, – сообщила Элисон, слегка повысив голос. – Мы должны освободиться самое позднее через десять минут.

– Учту, – без выражения заверил ее Страйк и вернулся в кабинет; Бристоу сидел, опустив лоб на сцепленные руки, будто в молитве.

– Извините, – пробормотал он, когда Страйк сел за стол. – Мне все еще трудно об этом говорить.

– Не извиняйтесь. – Страйк подвинул к себе блокнот. – Стало быть, Лула приезжала к маме? В котором часу?

– Около одиннадцати. Следствие установило, чем она занималась после этого. Велела своему водителю отвезти ее в полюбившийся ей бутик, а потом домой. Там у нее была назначена встреча со знакомой визажисткой; к ним присоединилась еще одна подруга, Сиара Портер. Думаю, вы ее не раз видели, она тоже модель. Яркая блондинка. У них с Лулой была совместная фотосессия: их изобразили в обличье ангелов с крыльями – в обнаженном виде, но с сумочками. Сразу после смерти Лулы этот снимок растиражировали для рекламной кампании Сомэ. Многих возмутила такая пошлость. Так вот, Сиара просидела у нее до вечера, после чего они поехали ужинать с Даффилдом и его компанией. Затем все направились в ночной клуб «Узи» и допоздна тусовались там. Даффилд с Лулой поскадали. У всех на виду. Даффилд пытался силком ее удержать, но она уехала из клуба одна. Из-за такой сцены все сочли его виновным, но оказалось, у него железное алиби.

– Его оправдали на основании показаний субъекта, поставлявшего ему наркотики, правильно я понимаю? – уточнил Страйк, непрерывно строча в блокноте.

– Совершенно верно. В общем... в общем, Лула вернулась домой примерно в двадцать минут второго ночи. Ее сфотографировали у подъезда. Вероятно, вы помните этот снимок. Он потом обошел все газеты.

Страйк прекрасно помнил: одна из самых фотографируемых женщин в мире, втянув голову в плечи и крепко обхватив себя руками, не в силах разлепить глаза, отворачивается от папарацци. Когда огласили вердикт «самоубийство», этот кадр приобрел зловещий оттенок: богатая, красивая, молодая женщина менее чем за полчаса до смерти прячет свое унижение от объективов, доселе желанных и благосклонных.

– Ее всегда караулили у входа папарацци?

– Да, особенно если знали, что она будет возвращаться с Даффилдом, или надеялись подловить ее в нетрезвом виде. Но в ту ночь они собрались не только ради нее. Им стало известно, что в этом же доме остановится некий американский рэпер по имени Дибби Макк. Фирма звукозаписи, на которой он выпускается, сняла для него квартиру этажом ниже. Но в конечном счете он там даже не появился: при таком скоплении полиции ему оказалось проще отправиться в отель. Тем не менее поначалу его ждала толпа репортеров, к которым добавились те, что ехали за Лулой от ночного клуба. Они запрудили все подходы к дому; правда, когда Лула скрылась в подъезде, они разошлись. Кто-то им шепнул, что Макк сильно задерживается. Той ночью был жуткий холод. Валил снег. Температура опустилась ниже

нуля. Поэтому, когда Лула упала с балкона, на улице было безлюдно.

Бристоу поморгал и отпил кофе, а Страйк подумал о тех папарацци, которые разбрелись ни с чем. Он даже не представлял, какую цену они могли бы заломить за фото Лулы, летящей навстречу смерти, – вероятно, обеспечили бы себя до конца дней.

– Если я правильно понимаю, Джон, вам нужно куда-то спешить к половине одиннадцатого.

– Что? – Бристоу встрепенулся. Посмотрев на свои элитные часы, он ахнул. – Господи, я потерял счет времени. Так что же... что дальше? – недоуменно спросил он. – Вы ознакомьтесь с моими записями?

– Непременно, – заверил его Страйк, – и позвоню вам через пару дней, когда проделаю подготовительную работу. Думаю, у меня возникнет еще много вопросов.

– Договорились, – сказал Бристоу, в некотором ошеломлении поднимаясь с кресла. – Вот... возьмите мою визитку. Какая форма оплаты вас устроит?

– За месяц вперед, – ответил Страйк.

Подавляя слабое шевеление стыда и памятуя, что Бристоу сам предложил ему двойной тариф, Страйк назвал запредельную сумму; к его радости, Бристоу и бровью не повел: не стал допытываться, можно ли заплатить кредитной картой или подвезти деньги в другой раз, а просто вынул чековую книжку и ручку.

– Если можно, четверть суммы – наличными, – добавил Страйк, решив попытать счастья, и вновь был поражен, когда Бристоу со словами: «Я и сам подумал, что вы, вероятно, предпочтете...» – отсчитал пачку пятидесятифунтовых купюр в дополнение к чеку.

В приемную они вышли как раз в тот момент, когда Робин собиралась подать Страйку свежеприготовленный кофе. Подруга Бристоу вскочила, как только открылась дверь, и со страдальческим видом сложила газету. Почти такого же роста, как Бристоу, широкоплечая, с большими, мужскими руками, она сохраняла мрачность.

– Неужели вы согласились? – обратилась она к Страйку.

У Страйка возникло такое ощущение, что она заподозрила, будто он хочет пожить за счет ее богатого друга. Пожалуй, она была недалеко от истины.

– Да, Джон решил прибегнуть к моим услугам, – ответил Страйк.

– Ну ясно, – бесцеремонно бросила она. – Теперь ты доволен, Джон?

Адвокат ответил ей улыбкой; девушка вздохнула и погладила его по руке, как слегка рассерженная мать. Джон Бристоу прощальным жестом вскинул ладонь и вышел из офиса, пропустив вперед свою спутницу; из-за входной двери донесся лязг металлических ступенек у них под ногами.

Страйк повернулся к Робин, которая опять села за компьютер. У нее на столе, рядом с аккуратными стопками разобранной корреспонденции, стояла приготовленная для него чашка кофе.

– Спасибо. – Он сделал небольшой глоток. – И за вашу записку тоже. Почему вы не работаете на постоянной основе?

– А что? – насторожилась Робин.

– У вас прекрасная грамотность. Все схватываете на лету. Проявляете находчивость – где вы только раздобыли чашки, поднос? Кофе, печенье?

– Одолжила у мистера Крауди. Пообещала, что до обеда мы все вернем.

– Кто такой мистер... как вы сказали?

– Мистер Крауди, со второго этажа. Дизайнер.

– И он вам не отказал?

– Представьте, нет, – с легким вызовом сказала она. – Я подумала, что мы, предложив клиенту кофе, не можем пойти на попятную.

Местоимение множественного числа, как легкое похлопывание по плечу, укрепило душевный подъем Страйка.

– Надо же, те, кого раньше присылали мне «Временные решения», не обладали такими деловыми качествами, уж поверьте. Извините, что все время говорил вам «Сандра» – так звали вашу предшественницу. А на самом деле вас как зовут?

– Робин.

– Робин, – повторил он. – Несложно запомнить.

Он намеревался шутливо намекнуть на Бэтмена и его верного спутника, но эта плоская шутка так и не слетела у него с языка, потому что лицо Робин стало пунцовым. Страйк слишком поздно сообразил, что его невинная реплика может вызвать самые нежелательные умозаключения. На своем вертящемся стуле Робин вновь повернулась к монитору, и Страйку оставалось только созерцать полоску ее пунцовой щеки. За один леденящий миг взаимной неловкости приемная сжалась до размеров телефонной будки.

– Пойду освежусь, – изрек Страйк, оставил на столе почти нетронутую чашку кофе и, боком протискиваясь к выходу, снял с вешалки пальто. – Если будут звонки...

– Мистер Страйк, пока вы не ушли, думаю, вам стоит взглянуть вот на это.

Все еще заливаясь краской, Робин взяла из стопки листок ярко-розовой почтовой бумаги, помещенный вместе с таким же конвертом в прозрачную папку. От взгляда Страйка не укрылось новенькое кольцо.

– Вам грозят убийством, – проговорила она.

– Ну что ж поделаешь, – бросил Страйк. – Да вы не волнуйтесь. Мне такие угрозы приходят по меньшей мере раз в неделю.

– Но...

– Это недовольный клиент, уже бывший. Малость не в себе. Думает пустить меня по ложному следу этой розовой бумажкой.

– Понимаю, но... может, стоит заявить в полицию?

– Чтобы меня подняли на смех? Это вы хотите сказать?

– Не вижу ничего смешного, здесь угроза вашей жизни! – сказала она, и до Страйка

дошло, почему она убрала это письмо вместе с конвертом в отдельную папку; он даже немного смягчился.

– Пусть лежит в общей стопке, – распорядился он и указал на конторский шкаф. – Если у человека было намерение меня убить, он сделал бы это давным-давно. Мне уже полгода приходят такие письма – где-то валяются. Итак, вы сможете удерживать рубежи, пока меня не будет?

– Как-нибудь справлюсь, – ответила она, и Страйка позабавили кислые нотки в ее голосе и явное разочарование оттого, что никто не собирается снимать отпечатки пальцев с угрожающих письменных принадлежностей с изображением котенка.

– Если что, номер моего мобильного на визитках в верхнем ящике стола.

– Хорошо, – сказала она, не глядя ни на него, ни на ящик.

– Захотите выйти на обед – пожалуйста. В столе есть запасной ключ.

– Понятно.

– Тогда до скорого.

Он остановился сразу за стеклянной дверью, у тесного, сырого туалета. Ему приспичило, но из уважения к деловой сметке, к бескорыстной заботе секретарши о его безопасности Страйк решил потерпеть до паба и двинулся вниз по лестнице.

На улице он закурил, свернул налево, миновал закрытый бар «12 тактов» и устремился по узкой Денмарк-плейс, мимо витрины с разноцветными гитарами, мимо синих пластмассовых загоронок с хлопающими на ветру листовками, подальше от беспощадного грохота отбойного молотка. Обогнув кучи мусора и обломков у «Сентр-пойнта», он оставил позади гигантскую золотую статую Фредди Меркьюри над входом в театр «Доминион» на другой стороне улицы: склоненная голова, вскинутый кулак – ни дать ни взять языческий бог хаоса.

За кучами мусора и дорожной техникой уже виднелся затейливо оформленный фасад паба «Тотнем»; Страйк, с удовлетворением сознавая, как деньги жгут ему ляжку, толкнул дверь и окунулся в безмятежную викторианскую атмосферу темного, отполированного резного дерева и хромированной латуни. Невысокие перегородки из матового стекла, барные стулья, обитые состаренной кожей, золоченые панно с херувимами и рогами изобилия знаменовали собой уверенный, незыблемый мир, составлявший приятный контраст с развороченной улицей. Страйк, взяв себе пинту «дум-бара», прошел в дальний конец безлюдного зала, поставил стакан на высокий круглый столик, под вычурно расписанным куполом потолка, и первым делом сбегал в туалет, где висел неистребимый запах мочи.

После этого он в полном комфорте за десять минут на две трети осушил свою пинту, чем закрепил обезболивающий эффект усталости. У корнуолльского пива был вкус дома, покоя и давно забытой надежности. Прямо напротив красовалось большое смазанное изображение танцующей викторианской девушки с букетом роз. Эта лукавая шалунья, которая следила за ним сквозь дождь розовых лепестков и выставляла напоказ пышную грудь в пене белых кружев, столь же мало напоминала реальную женщину, как тот столик, на котором стояла его пинта, или тучный бармен с конским хвостом, разливавший пиво из кранов.

Теперь Страйк вернулся мыслями к Шарлотте – уж эта, несомненно, была реальной: эффектная, опасная, как загнанная лисица, умная, порой забавная и, как выражался самый старинный друг Страйка, «больная на всю голову». Неужели с ней покончено – на этот раз реально покончено? Скованный усталостью, Страйк вспоминал сцены минувшей ночи и

сегодняшнего утра. Шарлотта в конце концов сделала нечто такое, чего он простить не мог, и, конечно, с прекращением действия анестезии боль грозила стать сокрушительной, но пока что ему предстояло решить кое-какие практические вопросы. Квартира на Холланд-парк-авеню, где они жили, – стильная, дорогая, на двух уровнях – принадлежала Шарлотте; это означало, что сегодня в два часа ночи он по собственной воле превратился в бомжа.

(«Переезжай ко мне, Вояка. Оставь, пожалуйста: ты же сам понимаешь, что это для пользы дела. Пока твой бизнес не встанет на ноги, подкопишь денег, а я буду тебя выхаживать. Вот когда ты полностью восстановишься, тогда живи как хочешь. Не глупи, Вояка...»)

Никто больше не скажет ему «Вояка». Вояка умер.)

Впервые за долгую и бурную историю их отношений он от нее ушел. До этого три раза уходила Шарлотта. Между ними всегда существовало неписаное соглашение: если он когда-нибудь уйдет, если решит поставить точку, расставание будет совсем не таким, какие провоцировала Шарлотта, – пусть болезненные и тяжелые, но заведомо временные.

Шарлотта не успокоится, пока не отомстит ему со всей жестокостью, на какую только способна. Та дикая сцена, которую она устроила сегодня утром, вломившись к нему в офис, – это еще цветочки по сравнению с тем, что его ожидало в ближайшие месяцы, а то и годы. Никогда в жизни он не сталкивался с такой неумолимой жаждой мести.

Страйк прохромал к стойке, заказал еще пинту и в мрачных раздумьях вернулся к своему столику. Разрыв с Шарлоттой поставил его на грань полного краха. Он по уши увяз в долгах, и, если бы не Джон Бристоу, ему пришлось бы обзавестись спальным мешком и ночевать под открытым небом. Кроме шуток: потребуй Гиллеспі срочного погашения ссуды, взятой на первый взнос за офис, Страйку не осталось бы ничего другого, кроме как заделаться бродягой.

(«Я звоню узнать, как у вас дела, мистер Страйк, потому что деньги за текущий месяц до сих пор не пришли... Можем ли мы надеяться, что они поступят в ближайшие два-три дня?»)

А ко всему прочему (раз уж лезет в голову вся эта холера, почему бы не составить исчерпывающий список?), за последнее время он сильно прибавил в весе – примерно десять кило, отчего стал ощущать не только тяжесть и неповоротливость, но и совершенно лишнее давление на культи, сейчас поднятую на латунную перекладину под столешницей. У Страйка даже развилась небольшая хромота, и все потому, что избыточный вес приводил к потерностям. А марш-бросок через ночной Лондон, да еще с рюкзаком на плече, только добавил неприятных ощущений. Но когда в кармане пусто, способ передвижения выбирать не приходится.

Пришлось тащиться к стойке за третьей пинтой. Вернувшись к себе за столик под куполом, Страйк вытащил из кармана мобильный и позвонил приятелю, который служил в лондонской полиции: познакомились они всего пару лет назад, но при чрезвычайных обстоятельствах, и это их сплотило.

Как Шарлотта была единственной, кто говорил ему «Вояка», так и Ричард Энстис, инспектор уголовной полиции, единственный звал его «Мистик Боб» – это имя прогремело из трубки в ответ на знакомый голос.

– У меня к тебе просьба, – сказал ему Страйк.

– Выкладывай.

– Кто вел дело Лулы Лэндри?

Листая служебный телефонный справочник, Энстис успел поинтересоваться у Страйка: как бизнес, как невеста, как правая нога? Страйк трижды соврал.

– Рад слышать, – обрадовался Энстис. – Вот, нашел телефон Уордла. Парнишка неплохой; слишком собой любит, но лучше уж законтачить с ним, чем с Карвером, – тот говнюк редкостный. Могу замолвить за тебя словечко Уордлу. Если хочешь, прямо сейчас ему звякну.

Страйк выдернул из ячейки рекламного стенда какую-то листовку и записал номер Уордла рядом с изображением конных гвардейцев.

– Когда в гости выберешься? – спросил Энстис. – Заходите с Шарлоттой как-нибудь вечером.

– Обязательно. Я перезвоню. Сейчас дел по горло.

Закончив разговор, Страйк погрузился в задумчивость, а потом набрал номер другого знакомого, который в отцы годился Энстису, но, условно говоря, шел по жизни противоположным курсом.

– За тобой должок, парень, – сказал Страйк. – Требуется кое-какая информация.

– На тему?

– А это ты сам скажи. Мне нужно, чтобы легавый клюнул.

Разговор тянулся минут двадцать пять: он прерывался паузами, которые становились все длиннее и многозначительнее, но в итоге Страйк получил, во-первых, приблизительный адрес и два имени, которые записал рядом с теми же конными гвардейцами, а во-вторых, серьезное предупреждение, которое записывать не стал, но принял к сведению. Беседа завершилась на дружеской ноте, и Страйк, широко зевая, набрал номер Уордла; почти мгновенно ему ответил громкий, резкий голос:

– Уордл.

– Да, здравствуйте. Я Корморан Страйк, мне...

– Как-как?

– Именно так, Корморан Страйк, – сказал он. – Это мое полное имя.

– Ага, – сообразил Уордл. – Мне уже Энстис звонил. Вы частный сыщик? Энстис говорит, вас интересует Лула Лэндри?

– Именно так, – повторил Страйк, подавляя зевоту и разглядывая роспись потолка – сцену разнузданной вакханалии, в которой он при более внимательном рассмотрении узнал праздник фей: «Сон в летнюю ночь», человек с ослиной головой^[5]. – Но мне, по правде говоря, нужно посмотреть дело.

Уордл хохотнул:

– Я тебе по жизни ничего не должен, приятель.

– У меня есть информация, которая может тебя заинтересовать. Вот я и подумал, что мы сумеем произвести обмен.

Наступила короткая пауза.

– Я так понимаю, все остальное – не телефонный разговор?

– Совершенно верно, – ответил Страйк. – Где бы ты предпочел посидеть за пинтой пива после трудов праведных?

Черкнув название паба, расположенного вблизи Скотленд-Ярда, Страйк подтвердил, что ровно через неделю (если уж раньше никак) его в принципе устроит, и отсоединился.

А ведь так было не всегда. Всего пару лет назад он имел право когда вздумается допрашивать свидетелей и подозреваемых – в точности как сейчас этот Уордл: время его

ценится намного дороже чужого, а потому он сам определяет дату, место и длительность любой встречи. В точности как Уордл, Страйк раньше ходил в штатском; его грела близость к командованию и престижность службы. А нынче он, хромо́й черт в жеваной рубашке, вынужден пускать в ход старые связи, чтобы только заключить сделку с этим юнцом, который раньше почел бы за честь ответить на его звонок.

– Жопа ты, – сказал Страйк в гулкий высокий стакан.

Третья пинта прошла так славно, что он даже не заметил.

У него задрбезжал мобильный: звонили из офиса. Не иначе как Робин хотела ему сообщить, что Гиллеспи требует денег. Страйк перенаправил звонок в голосовую почту и, опрокинув в рот последние капли, вышел на улицу.

В воздухе было ясно и свежо, на мокром тротуаре поблескивали лужи, которые вспыхивали серебром от движения легких облаков. Страйк опять закурил и еще немного постоял у дверей паба «Тотнем», наблюдая, как рабочие ходят кругами у выбоины на проезжей части. Докурив, он неторопливо побрел по Оксфорд-стрит, чтобы «Временные решения» уж точно убрались из конторы и дали ему возможность завалиться спать.

На тот случай, если Страйк вернется, Робин выждала десять минут, а потом сделала несколько приятнейших звонков со своего мобильного. Подруги встречали новость о ее помолвке либо восторженным визгом, либо завистливыми репликами – и то и другое одинаково грело ей душу. Отведя себе на обед целый час, Робин купила три свадебных журнала и пачку печенья для возврата (офисная копилка для мелочи, то есть жестяная банка из-под галет, задолжала ей сорок два пенса), а потом вернулась в пустую контору, где сорок минут в полном восторге изучала букеты и подвенечные наряды.

Когда ее самовольный обеденный перерыв закончился, Робин вымыла чашки и поднос, чтобы вместе с пачкой печенья вернуть их мистеру Крауди. Заметив, что он усиленно пытается вовлечь ее в разговор и рассеяннo шарит по ней взглядом от губ до бюста, она решила всю предстоящую неделю держаться от него подальше.

Страйк не возвращался. От нечего делать Робин разобрала ящики стола и выбросила мусор, оставленный, по всей видимости, ее предшественницами: два пыльных квадратика молочного шоколада, стертую наждачную пилку для ногтей и ворох бумажек с безымянными номерами телефонов и какими-то каракулями. В столе обнаружилась коробка допотопных металлических зажимов (ей никогда такие не попадались) и стопка чистых синих блокнотов небольшого формата, которые даже без наклеек имели официальный вид. Опыт конторской работы подсказывал Робин, что их стянули из какого-то учреждения.

Время от времени в приемной звонил телефон. Похоже, ее новый босс был известен под самыми разными именами. Кому-то требовался «Огги», кому-то – «Шустрила», а сухой, отрывистый голос настаивал, чтобы «мистер Страйк» незамедлительно связался с мистером Питером Гиллесли. Каждый раз Робин пыталась дозвониться до Страйка, но попадала в голосовую почту. Она прилежно наговаривала сообщения, а потом записывала номера телефонов и фамилии на желтые стикеры, относила в кабинет и там аккуратно приклеивала к столу.

На улице по-прежнему грохотал отбойный молоток. Часа в два оживился жилец мансарды, и над головой стал раздаваться скрип; а в остальном казалось, будто в здании никого больше нет. От одиночества и еще от восторга, который переполнял ее при каждом взгляде на заветное кольцо, Робин осмелела. Она взялась наводить порядок в своих временных владениях.

За общим убожеством и вековой грязью тесной приемной Робин вскоре обнаружила четкую упорядоченность, которая порадовала ее собственную аккуратную и организованную натуру. В конторском шкафу, что стоял у нее за спиной, в хронологической последовательности выстроились бурые картонные папки (нелепо старомодные в век яркого пластика); у каждой на корешке был от руки надписан порядковый номер. Открыв наугад первую попавшуюся, она увидела, что зажимы используются для скрепления разрозненных листов. Почти все записи были сделаны намеренно неразборчивым почерком. Она посчитала, что так принято у полицейских; видимо, Страйк прежде служил в полиции.

В среднем ящике конторского шкафа Робин нашла целую пачку упомянутых Страйком розовых записок с угрозами, а рядом – тонкую стопку бланков соглашения о конфиденциальности. Форма самая обычная: нижеподписавшиеся обязуются хранить в тайне и не разглашать третьим лицам конфиденциальную информацию, полученную ими

при исполнении своих служебных обязанностей. После недолгого раздумья Робин поставила на одном бланке дату и подпись, а потом отнесла его в кабинет – боссу осталось только расписаться на пунктирной линии. В одностороннем порядке приняв зарок молчания, она вернула себе ощущение тайны, даже романтики, которая грезилась ей за стеклянной дверью с гравировкой, покуда эта дверь по милости Страйка не дала ей по лбу и чуть не спустила кубарем с лестницы.

Когда бланк лег на стол начальства, Робин заметила в углу рюкзак, задвинутый за картотечный шкаф. Из оскаленных зубцов молнии торчали несвежая рубашка, будильник и мыльница. Торопливо, как будто увидев нечто постыдное и глубоко личное, Робин захлопнула дверь в кабинет. Все срослось: явление красавицы-брюнетки, выскочившей утром из подъезда, многочисленные ссадины на лице Страйка и его запоздалая, как она поняла, но решительная погоня. В своем новом, счастливом качестве невесты Робин готова была проникнуться отчаянной жалостью к любому, кому не так повезло в личной жизни, – если, конечно, отчаянная жалость вписывалась в невыразимое удовольствие, которое доставлял ей собственный относительный рай.

В пять часов, так и не дождавшись временного начальства, Робин решила, что может идти домой. Мурлыча себе под нос, она заполнила табель учета рабочего времени, а когда надевала пальто, уже запела вслух; потом заперла входную дверь, бросила ключ в почтовую прорезь и с осторожностью начала спускаться по металлической лестнице – навстречу Мэтью и домашнему уюту.

Страйк до вечера кантовался в здании студенческого центра Лондонского университета, где, решительно и хмуро прошагав мимо вахты, избавил себя от необходимости отвечать на вопросы и предъявлять студенческий билет. Вначале он сходил в душевую, а оттуда направился в буфет, взял черствый рогалик с ветчиной и плитку шоколада. Затем, плохо соображая от усталости, побродил по улицам, покурил, зашел в пару дешевых магазинов и на полученные от Бристоу деньги купил всяких мелочей, необходимых тому, кто остался без крова. С первыми сумерками он обосновался в итальянском ресторане, составил пакеты у себя за спиной, выпил пива и чуть не забыл, почему вынужден убивать время.

В контору он вернулся около восьми. Лондон в этот час был особенно дорог его сердцу: рабочий день окончен, окна пабов, как драгоценные камни, лучатся теплым светом, на улицах кипит жизнь, а солидное постоянство старых зданий, смягченное огнями фонарей, внушает поразительную уверенность. Ковыляя по Оксфорд-стрит с упакованной раскладушкой, он так и слышал их мягкий шепот: ты не один такой. Семь с половиной миллионов сердец билось в этом старинном холмистом городе, и многим было куда больней. Магазины закрывались, небо окрашивалось цветом индиго, а Страйк утешался бескрайностью города и собственной обезличенностью.

Втащить раскладушку по железной лестнице на третий этаж оказалось непросто; когда Страйк добрался наконец до своего офиса, боль в правой голени стала нестерпимой. Он ненадолго прислонился к двери, перенес вес на левую ногу и увидел, как запотевают стекло от его дыхания.

– Жирный ублюдок, – высказался он вслух. – Старая развалина.

Утирая пот, Страйк повернул ключ в замочной скважине и свалил покупки прямо за порогом. В кабинете он сдвинул в сторону письменный стол и установил раскладушку, бросил на нее спальный мешок, взял свой дешевый чайник и сходил на лестничную площадку за водой.

На ужин у него была лапша быстрого приготовления – он выбрал марку «Пот нудл», потому что она напомнила ему сухой паек: он машинально потянулся к знакомому контейнеру, когда почувствовал какую-то глубинную связь между пищей, которую достаточно залить водой и разогреть, и ожидавшим его временным пристанищем. Плеснув в контейнер кипятку, он уселся в свое рабочее кресло и стал есть лапшу пластиковой вилкой, позаимствованной в студенческой столовой. Улица за окном почти опустела, в конце проезжей части мелькал транспорт, а двумя этажами ниже, в баре «12 тактов», тяжело ухала бас-гитара.

Место для ночлега было вполне сносным. Знал он и похуже. Взять хотя бы каменный пол многоэтажной парковки в Анголе, или разбомбленный металлический завод, где они спали в палатках, а по утрам харкали черной сажой, или – самое гнусное – ночлежку в Норфолке, куда мать притащила его вместе с одной из сводных сестер, когда ему было восемь, а сестре шесть. Помнил он и неудобную больничную койку, на которой провалялся не один месяц, и заброшенные труппы (где также обретался вместе с матерью), и промерзший лес, где находился их военный лагерь. По сравнению со всем прочим узкий, неприветливый лагерьный лежак под единственной голой лампочкой выглядел невероятной роскошью.

Обзаведясь предметами первой необходимости, Страйк будто погрузился в знакомый

солдатский быт, когда делаешь то, что положено, без вопросов и жалоб. Он выбросил пустой контейнер, включил свет и подсел к столу, за которым Робин провела почти весь день.

Занимаясь подготовкой нового дела – жесткая картонная папка, чистые листы бумаги, металлический зажим, блокнот с записями откровений Бристоу, рекламная листовка из паба «Тотнем», – он отметил порядок в ящиках стола, протертый от пыли монитор, отсутствие чашек и остатков еды, а также легкий запах средства для ухода за мебелью. С некоторым любопытством он открыл жестянку для мелочи и обнаружил там выведенное аккуратным, округлым почерком Робин сообщение о том, что ей причитается сорок два пенса за пачку шоколадного печенья. Страйк взял сорок фунтов из наличности, полученной от Бристоу, и бросил в жестянку, а затем, поразмыслив, отсчитал сорок два пенса мелочью и положил сверху.

После этого он вынул из верхнего ящика секретарского стола одну из уложенных аккуратным рядом шариковых ручек и начал плавно и быстро писать, начав с даты. Конспект беседы с Бристоу он вырвал из блокнота и вложил в папку отдельно; перечислил все действия, совершенные к этому моменту, включая звонки Энстису и Уордлу плюс номера их телефонов (неучтенными остались только сведения о его знакомце, от которого был получен полезный адресок с парой имен).

Напоследок Страйк присвоил делу порядковый номер и надписал его на корешке вместе с темой «Лула Лэндри: внезапная смерть», а затем убрал папку в ящик конторского шкафа, в крайний правый угол.

Только теперь он сподобился открыть конверт, в котором, если верить Бристоу, содержались важные сведения, ускользнувшие от внимания полиции. Почерк типично адвокатский, убористый, аккуратный, с наклоном влево. Как и обещал Бристоу, содержание этих записей касалось в основном человека, обозначенного условным прозвищем Бегун.

Этого рослого чернокожего парня, закрывающего лицо шарфом, зафиксировала камера видеонаблюдения в ночном автобусе, который шел от Ислингтона в сторону Уэст-Энда. В автобус он вошел примерно за пятьдесят минут до гибели Лулы Лэндри. А после этого попал в объектив такой же камеры в Мейфэре, когда двигался в направлении дома Лэндри в час тридцать девять ночи. Как показало видео, Бегун сверился с листком бумаги («м/б, адрес или план?» – прокомментировал Бристоу в своих записях), а потом исчез из кадра.

Вскоре Бегун промчался мимо той же камеры в обратном направлении; было это в два часа двенадцать минут. «Следом бежал еще один чернокожий: м/б, этот стоял на стреме? Незадачливые угонщики? Как раз в это время за углом сработала автосигнализация», – сообщал Бристоу.

Наконец, имелась съемка, сделанная еще одной камерой, в нескольких милях от места происшествия: той же ночью, но ближе к рассвету чернокожий, сильно напоминающий Бегуна, идет по мостовой в районе Грейз-Инн-сквер. Лицо, отмечал Бристоу, по-прежнему закрыто шарфом.

Страйк прервался, протер глаза и содрогнулся от боли: он совершенно забыл про фингал. Теперь его охватила беспричинная нервозность – свидетельство полного изнеможения. С протяжным недовольным вздохом он стал обдумывать заметки Бристоу, сжимая в волосатом кулаке авторучку, чтобы по мере надобности делать собственные примечания.

Возможно, на своем рабочем месте, дающем ему право на шикарную гравированную визитку, Бристоу толковал законы бесстрастно и объективно, однако же в повседневной

жизни, как убедился Страйк по прочтении этих заметок, над его клиентом довлела ничем не подкрепленная навязчивая идея. Не важно, из чего она родилась: то ли из потаенного страха перед этим городским человеком-призраком, чернокожим злодеем, то ли из каких-то других, более глубинных, более личных соображений, но невозможно было себе представить, чтобы полиция оставила без внимания Бегуна и его спутника (будь то угонщик или всего лишь пособник); а если с него сняли все подозрения, значит на то были веские причины.

Широко зевнув, Страйк перевернул страницу.

В час сорок пять Деррик Уилсон, дежурный охранник, почувствовал недомогание и отлучился в служебный туалет, где просидел примерно четверть часа. Иными словами, за пятнадцать минут до смерти Лулы Лэндри в вестибюле дома никого не было: кто угодно мог войти и выйти, оставшись незамеченным. Уилсон прибежал на пост уже после падения Лулы, заслышав крики Тэнзи Бестиги.

В этот интервал как раз укладывалось то время, которое потребовалось Бегуну, чтобы оказаться у дома номер восемнадцать по Кентигерн-Гарденз, коль скоро камера на углу Олдербрук и Беллами зафиксировала его в час сорок девять.

– Интересно знать, – пробормотал Страйк, потирая лоб, – как он увидел через входную дверь, что охранник засел в сортире?

Я побеседовал с Дерриком Уилсоном – тот охотно согласился на встречу.

Небось не задаром, подумал Страйк, приметив под этими заключительными словами номер телефона охранника.

Он опустил на стол ручку, с помощью которой собирался делать собственные пометки, и приобщил записи Бристоу к прочим материалам. Потом выключил настольную лампу и пошел отлить. Почистил зубы над потрескавшейся раковиной, запер стеклянную дверь, поставил будильник и разделся.

При неоновом свете уличных фонарей Страйк отстегнул протез, высвободил ноющую культю и убрал гелевую прокладку, больше не спасавшую от болезненных ощущений. Положив протез рядом с поставленным на подзарядку мобильником, он втиснулся в спальный мешок, сцепил руки под головой и уставился в потолок. Теперь, как он и опасался, свинцовая усталость тела не могла унять растревоженный ум. Вновь открывшиеся застарелые болячки не давали покоя.

Что она сейчас делает?

Вчера вечером в какой-то параллельной вселенной он еще обитал в самом желанном районе Лондона, в прекрасной квартире, вместе с женщиной, при виде которой встречные мужчины косились на Страйка с завистливым недоверием.

«Давай съедемся. Оставь, пожалуйста, Вояка, это же для пользы дела. Ну почему нет?»

С самого начала он знал, что это ошибка. Они уже пробовали, и каждая новая попытка оборачивалась еще большей катастрофой.

«Господи, мы ведь помолвлены, почему бы нам не жить вместе?»

Она стремилась ему доказать, что, едва не потеряв его навсегда, изменилась так же необратимо, как и он, у которого осталось полторы ноги.

«Плевать на кольцо. Не говори глупостей, Вояка. Все свои деньги ты должен вкладывать в бизнес».

Страйк закрыл глаза. После утренней сцены пути назад не было. Шарлотта изолгалась, причем даже в главном. Но он обдумывал те события снова и снова, будто давно решенный пример, в котором заподозрена элементарная погрешность. Он методично сопоставлял вечные изменения дат, отказы проконсультироваться с врачом или фармацевтом, взрывную реакцию на любые его просьбы о разъяснениях, а потом – внезапное заявление о том, что все кончено, без малейшего намека на бывшие чувства. Помимо массы других подозрительных фактов, он выяснил (дорогой ценой), что Шарлотта склонна к патологическим измышлениям и постоянно стремится его провоцировать, терзать, испытывать.

«Не смей докапываться. Привык солдатню укуренную строить. Я что тебе – уголовное преступление, чтобы ты меня расследовал? Твое дело – меня любить, а ты за каждую мелочь цепляешься...»

Но каждая новая ложь вплеталась в ее существо, в ткань ее жизни, а потому находиться с нею рядом, любить, добиваться правды и сохранять при этом рассудок становилось все труднее. Как же произошло, что он, который с ранней юности испытывал потребность расследовать, узнавать наверняка, извлекать истину из каждой головоломки, без памяти и без срока влюбился в женщину, которая врала так же легко, как дышала?

– Все кончено, – сказал он себе. – Давно к тому шло.

Но признаваться Энстису он не хотел, да и никому другому не решился бы открыть правду, по крайней мере до поры до времени. В Лондоне у него было полно друзей, которые с радостью пустили бы его под свой кров, предоставили бы и отдельную комнату, и холодильник, успокоили, помогли. Однако же за удобную кровать и домашнюю жратву нужно расплачиваться: сидеть за кухонным столом, когда дети в чистых пижамках уложены спать, и выслушивать возмущенные соболезнования друзей, их жен и подруг. Нет, лучше уж мрачное одиночество, лапша и спальный мешок.

Нога, которую оторвало два с половиной года назад, все еще болела. Она никуда не делась: вот и сейчас он при желании мог бы пошевелить в спальном мешке несуществующими пальцами. Измотанный до предела, Страйк долго не смыкал глаз, а потом увидел в своих снах Шарлотту, роскошную, ядовитую, одержимую.

Non ignara mali miseris succurrere disco.

Горе я знаю – оно помогать меня учит несчастным.

Вергилий. Энеида. Книга первая^{[\[6\]](#)}

– «Хотя смерть Лулы Лэндри стала предметом тысяч статей и многочасовых телевизионных репортажей, мы редко задаемся вопросом: почему нам не все равно?

Спору нет, она была сказочно хороша собой, а красивые девушки остаются мощным средством продвижения печатной продукции с тех самых пор, когда Дейна Гибсон начал создавать графические портреты томных русалок для журнала „Нью-Йоркер“^[7].

Ко всему прочему, она была чернокожей, вернее, восхитительного цвета *café au lait*, что, как нам твердили, знаменовало собой шаг вперед в той сфере, где важна только видимость. (У меня это вызывает сомнения: с таким же успехом можно предположить, что в этом сезоне *café au lait* – просто модный цвет. Разве с появлением Лулы Лэндри в индустрию моды хлынул поток чернокожих девушек? Разве ее успех перевернул наши представления о женской красоте? Разве черные Барби нынче продаются лучше, чем белые?)

Несомненно, родные и близкие настоящей Лулы Лэндри убиты горем; приношу им свои глубокие соболезнования. Однако нас, читателей и зрителей, не постигла личная трагедия, которая могла бы оправдать такое повышенное внимание. Девушки гибнут ежедневно, в том числе и при „трагических“ (читай: противоестественных) обстоятельствах, таких как автокатастрофы, передозировка наркотиков, а подчас и голодание, с помощью которого они хотят добиться такой же фигуры, какую демонстрируют нам Лула и ей подобные. Вспоминаем ли мы хоть кого-нибудь из этих погибших девушек, перевернув газетную страницу с фотографией непримечательного личика?»

Робин прервала чтение, чтобы глотнуть кофе и откашляться.

– Развели тут ханжество, – пробурчал Страйк.

Сидя у торца ее стола, он клеивал в дело фотографии, каждую нумеровал и составлял указатель. Робин продолжила чтение с монитора:

– «Наш несоразмерный интерес, граничащий со скорбью, вполне объясним. До того как Лэндри выбросилась с балкона, тысячи женщин отдали бы все, что угодно, лишь бы поменяться с ней местами. Даже после того, как ее тело увезли в морг, рыдающие девочки несли цветы к подъезду дома, где у Лулы был пентхаус стоимостью четыре с половиной миллиона фунтов стерлингов. Разве хоть одну начинающую модель остановили в ее погоне за таблоидной славой взлет и жестокое падение Лулы Лэндри?»

– Давай ты, не тяни резину, – проворчал Страйк. – Это я не вам, это я ей, – поспешно добавил он. – Автор – женщина, точно?

– Точно, некая Мелани Телфорд, – ответила Робин и прокрутила текст к самому началу, чтобы рассмотреть фото немолодой блондинки с тяжелым подбородком. – Дальше можно пропустить?

– Нет-нет, продолжайте.

Робин еще раз кашлянула и стала читать дальше:

– «Ответ, разумеется, будет отрицательным». Потом у нее про то, как все же можно остановить начинающих фотомоделей.

– Ну ясно.

– Так, что тут еще... «Через сто лет после Эммелин Панкхёрст^[8], боровшейся за права женщин, половозрелые представительницы целого поколения стремятся лишь к тому, чтобы их низвели до уровня бумажной куклы, плоской аватарки, чьи растиражированные эскапады

скрывают за собой такие нарушения и расстройства, которые толкнули ее вниз головой с четвертого этажа. Внешний эффект – это все: модельер Ги Сомэ поспешил уведомить прессу, что Лула Лэндри выбросилась из окна в его платье, и вся коллекция была распродана за сутки после ее смерти. Можно ли придумать более действенную рекламу, чем сообщение о том, что Лула Лэндри отправилась к Всевышнему в платье от Сомэ?

Нет, мы оплакиваем не потерю этой молодой женщины, которая была для нас не более реальна, чем томные рисованные красотки Гибсона. Мы оплакиваем зримый образ, который мелькал на первых полосах бесчисленных таблоидов и на обложках глянцевого журналов, образ, продававший нам одежду, аксессуары и саму концепцию знаменитости, которая с гибелью Лулы оказалась пшиком и лопнула как мыльный пузырь. Если уж честно, нам больше всего не хватает увлекательных походов этой тоненькой как былинки неутомимой девушки, чье картинное существование, в котором уживались наркотики, дебоши, умопомрачительные наряды и опасный, переменчивый бойфренд, никогда больше не завладеет нашим вниманием. Бульварные издания, которые кормятся за счет знаменитостей, освещали похороны Лэндри более подробно, чем любую звездную свадьбу; издатели еще долго будут помнить Лулу. Нам показали, как плачут всевозможные знаменитости, тогда как родные Лулы Лэндри не удостоились даже крошечного изображения: нефотогеничное, видимо, семейство.

Меня глубоко тронул рассказ одной девушки, присутствовавшей на церемонии прощания. В ответ на вопрос человека, в котором, вероятно, она не заподозрила репортера, девушка поведала, что познакомилась, а затем и подружилась с Лэндри в наркологической клинике. Во время панихиды эта девушка сидела в заднем ряду, а потом незаметно исчезла. Она не стала продавать свою историю, в отличие от многих, с кем при жизни общалась Лэндри. Но кто, как не она, мог бы рассказать нам что-нибудь человеческое о подлинной Луле Лэндри, к которой потянулась простая девушка. Те из нас, кто...»

– А имя этой простой девушки из нарколечебницы там не указано? – перебил Страйк.

Робин молча пробежала глазами окончание статьи.

– Нет.

Страйк почесал кое-как выбритый подбородок:

– Бристоу тоже не упоминает никаких подружек из наркологической клиники.

– Вы считаете, она может сообщить нечто важное? – встрепелась Робин, поворачиваясь к нему на своем вертящемся стуле.

– Интересно было бы побеседовать хоть с кем-то, кого сблизил с Лулой курс лечения, а не дебош в ночном клубе.

Страйк поручил Робин пробить по интернету связи Лэндри только потому, что не смог придумать для нее других дел. Она уже позвонила охраннику Деррику Уилсону и договорилась, что утром в пятницу Страйк подъедет в Брикстон и встретится с ним в кафе «Феникс». Корреспонденции оказалось всего-ничего – два циркуляра и какое-то последнее требование; телефон молчал; то, что можно было расположить в алфавитном порядке, уже стояло стройными рядами, а все остальное, рассортированное по категориям и цветам, лежало аккуратными стопками.

Вчера Страйк так поразился ее успешному поиску в «Гугле», что решил и сегодня дать ей аналогичное поручение, хотя и без особой надобности. В течение последнего часа с небольшим она зачитывала ему разрозненные заметки и статьи, посвященные Луле и ее окружению, а Страйк тем временем разбирал пачку квитанций, телефонных счетов и

фотографий, имеющих отношение к его единственному, кроме нынешнего, делу.

– Может быть, поискать информацию об этой девушке? – предложила Робин.

– Угу, – рассеянно ответил Страйк, изучая фотографию коренастого лысеющего мужчины в костюме и чрезвычайно аппетитной рыжеволосой красотишки в узких джинсах.

Мужчину звали Джеффри Хук; а эта рыженькая ничем не напоминала миссис Хук, которая до Бристоу представляла собой всю клиентуру Страйка. Теперь Страйк поместил этот снимок в папку и присвоил ему номер двенадцать, а Робин между тем вернулась к компьютеру.

Недолгая тишина нарушалась только шуршанием фотографий и стуком коротких ногтей Робин по клавишам. Плотная закрытая дверь в кабинет Страйка скрывала от посторонних глаз раскладушку и другие признаки обитания, а густой химический запах лайма говорил о том, что перед приходом секретарши Страйк щедро опрыскал всю контору дешевым цитрусовым освежителем воздуха. Чтобы Робин не подумала, будто он, садясь за стол сбоку от нее, подбивает к ней клинья, Страйк сделал вид, что впервые заметил кольцо, и минут пять вежливо и совершенно отстраненно расспрашивал ее о женихе. Он выведал, что Мэтью – новоиспеченный финансовый аналитик, что Робин в прошлом месяце переехала к нему из Йоркшира и что для нее работа временной секретарши – это лишь промежуточный этап.

– Как вы думаете, нет ли ее на этих снимках? – через некоторое время спросила Робин. – Той девушки из наркологической клиники?

Она вывела на экран серию однотипных траурных фотографий, изображавших одетых в темное людей, которые движутся слева направо. Фон каждого снимка составляли ограждения и размытые лица в толпе.

Самая поразительная фотография запечатлела очень высокую, бледную девушку с золотистыми волосами, собранными в конский хвост; на макушке у нее примостилось изящное сооружение из черного тюля и перьев. Страйк ее узнал, да и как было не узнать: модель Сиара Портер – Лула провела с ней свой последний день; подруга, вместе с которой Лэндри участвовала в самой знаменитой фотосессии за всю свою карьеру. На траурной церемонии Портер выглядела прекрасной и сумрачной. Судя по всему, одна приехала одна: на фотографии не просматривалось обрезанной руки, которая поддерживала бы ее под хрупкий локоток или покоилась бы на изящной спине.

Следующая фотография сопровождалась подписью: «Кинопродюсер Фредди Бестики с женой Тэнзи». Телосложением Бестики смахивал на быка: короткие ноги, широкая грудь колесом и толстая шея. Ежик седых волос, лицо – сплошные складки, мешки и родинки; мясистый нос – как опухоль. Тем не менее выглядел он импозантно благодаря дорогому черному пальто и бестелесной молодой жене. О внешности Тэнзи судить было невозможно: поднятый воротник шубки и большие круглые темные очки полностью скрывали ее лицо.

Последним в верхнем ряду был модельер Ги Сомэ, худощавый, чернокожий, в темно-синем сюртуке экстравагантного покроя. Он склонил голову, и свет падал так, что выражения лица не было видно, зато в мочке уха сверкали как звезды три большие бриллиантовые серьги. Подобно Сиаре Портер, он, видимо, приехал без сопровождения, хотя вместе с ним в кадр попало несколько людей в трауре, не удостоившихся отдельной подписи.

Страйк придвинулся поближе к монитору, стараясь держаться на расстоянии вытянутой руки от Робин. В одном безымянном лице, наполовину обрезанном рамкой кадра, он узнал Джона Бристоу – главным образом по короткой верхней губе и кроличьим зубам. Тот

обнимал безутешную немолодую женщину с седыми волосами: ее исхудавшее, мертвенно-бледное лицо и обнаженность горя никого не оставили бы равнодушным. За этой парой следовал рослый, высокомерного вида человек, словно презиравший эту толпу, куда затесался помимо своей воли.

– В упор не вижу ни одной простой девушки, – сказала Робин, прокручивая изображения, чтобы на экране монитора уместился еще один ряд богатых и знаменитых, напустивших на себя печальный, серьезный вид. – О, смотрите-ка... Эван Даффилд.

Даффилд пришел на похороны в черной футболке, черных джинсах и черном пальто в стиле милитари. Волосы тоже черные; лицо – острые углы и резко очерченные впадины; ледяные голубые глаза смотрели прямо в объектив. Ростом выше своих спутников, он казался хрупким рядом с грузным мужчиной в костюме и взволнованной пожилой женщиной, которая, слегка приоткрыв рот, жестом будто бы расчищала им путь. Эта троица напомнила Страйку родителей, уводящих захворавшего сына с праздника. От Страйка не укрылось, что Даффилд, изображавший растерянность и скорбь, не забыл аккуратно подвести глаза.

– Цветов-то!

Даффилд поплыл вверх и исчез с экрана: Робин остановила просмотр на фотографии огромного венка, похожего на сердце; приглядевшись, Страйк понял, что это составленные из белых роз крылья ангела. На врезке было крупное изображение приложенной карточки.

– «Покойся с миром, ангел Лула. Диби Макк», – прочла Робин вслух.

– Диби Макк? Рэпер? Выходит, они были знакомы?

– Совсем не обязательно; просто он снимал квартиру в том же доме. По-моему, Лэндри упоминается в паре его песен. Газеты раздули целую историю, когда он собрался...

– А вы неплохо осведомлены.

– Ну, журналы, одно, другое, – неопределенно сказала Робин, возвращая назад фоторепортаж с похорон.

– Что за имя Диби? – вслух удивился Страйк.

– На самом деле оно образовано от его инициалов Д. Б., – уверенно объяснила Робин. – Его настоящее имя – Дэрил Брендон Макдональд.

– Вы, как я посмотрю, фанатка рэпа?

– Нет, – ответила Робин, не отрываясь от экрана. – Такие вещи сами собой запоминаются.

Закрыв вкладку, она вновь застучала по клавишам. Страйк вернулся к своей папке. Следующий снимок изображал Джеффри Хука, целующего рыжеволосую подружку возле станции метро «Илинг-Бродуэй»; рука тискала круглую, обтянутую джинсами ягодицу.

– Взгляните, на «Ютьюбе» есть короткое видео, – сказала Робин. – Диби Макк говорит о Луле после ее смерти.

– Ну-ка, ну-ка... – Страйк на метр придвинулся к ней вместе со стулом, но, спохватившись, отъехал на полметра назад.

Зернистое изображение три на четыре дюйма дрогнуло и ожило. В черном кожаном кресле, лицом к невидимому интервьюеру, сидел рослый темнокожий парень в толстовке с изображением кулака, образованного заклепками. Голова обрита наголо, на носу темные очки.

– ...о самоубийстве Лулы Лэндри? – спрашивал интервьюер, явно англичанин.

– Это капец, ман, полный капец, – ответил Диби, едва заметно шепелявя, и провел рукой по бритому черепу. Голос у него был мягкий, глубокий, с хрипотцой. – Кто поднялся,

того бесприменно вальнут. А все зависть, брачо. Журналюги, мазафакеры, ее и столкнули. Пусть покоится с миром, я так скажу. Теперь у нее все ровно.

– По прибытии в Лондон вы, наверное, испытали настоящий шок, – сказал интервьюер, – когда... ну, вы понимаете... когда она пролетела мимо ваших окон.

Дибби Макк ответил не сразу. Он замер, уставившись на собеседника сквозь темные линзы. А потом сказал:

– Меня там не было. Что за прогон?

Интервьюер нервно хохотнул, но тут же осекся:

– Нет-нет, ничего такого...

Оглянувшись через плечо, Дибби обратился к человеку, не попавшему в кадр:

– С адвокатами, что ли, сюда заруливать?

Интервьюер льстиво заржал. Дибби посмотрел на него без улыбки.

– Дибби Макк, – с придыханием сказал интервьюер, – спасибо, что уделите нам время.

На экране возникла протянутая белокожая рука; ей навстречу поднялась рука Дибби, сжатая в кулак. Белая рука мгновенно перестроилась, и два кулака стукнулись костяшками пальцев. За кадром раздался чей-то издевательский смех. Видео закончилось.

– «Журналюги, мазафакеры, ее и столкнули», – повторил Страйк, отъезжая на прежнюю позицию. – Любопытное мнение.

Он вытащил из кармана брюк мобильный, поставленный на режим вибрации. На экране высветилось имя Шарлотты и новое сообщение; от этого Страйк испытал выброс адреналина, как при виде затаившегося хищника.

Вещи заберешь в пятницу. Меня не будет с 9 до 12.

– Как вы сказали? – Страйк не расслышал, что говорила ему Робин.

– Я говорю: здесь жуткая статья про ее биологическую мать.

– Ну! Читайте.

Страйк вернул мобильный в карман. Склонившись над делом миссис Хук, он почувствовал, как у него загудело в голове, словно там ударили в гонг.

Уж очень подозрительно вела себя Шарлотта: изображала спокойствие. Она перенесла их нескончаемую дуэль на какой-то иной уровень, до которого прежде не додумывалась и не дотягивалась: «Давай решим это по-взрослому». Не исключено, что в дверях ее квартиры он получит нож в спину; не исключено, что войдет в спальню и у камина в луже запекшейся крови увидит ее труп с перерезанными венами.

Голос Робин лез в уши, как гул пылесоса. Страйк сделал над собой усилие, чтобы сосредоточиться.

– «...продала трогательную историю своего романа с неким чернокожим юношей всем бульварным изданиям, какие только могли ей заплатить. Однако бывшие соседи Марлен Хигсон не усматривают в ее истории ни намек на романтику. „Гулящая была, – рассказывает Вивиан Крэнфилд, которая жила этажом выше Хигсон в то время, когда та забеременела Лулой. – Мужики к ней шастали днем и ночью. Она даже не знала, кто отец, – любой мог ее обрюхатить. Ребенок был ей в тягость. Помню, сидит, бывало, малышка одна в подъезде и плачет, а мать с очередным хахалем кувыркается. Девочка-то совсем крошечная была, только ходить научилась, из подгузников еще не выросла... соседи, как видно, в органы опеки сообщили, и очень вовремя. Повезло ей, что нашлись добрые люди, в семью взяли“. Эти откровения, безусловно, шокируют Лулу Лэндри, которая в своих интервью подробно рассказывает овоссоединении с родной матерью после многолетней разлуки...» Это было

написано, — пояснила Робин, — еще при жизни Лулы.

— Угу, — пробормотал Страйк, резко захлопнув папку. — Пройтись не желаете?

Камеры видеонаблюдения, похожие на зловещие обувные коробки, посаженные на кол, пустыми одноглазыми взглядами смотрели перед собой. Их развернули в противоположные стороны, чтобы объективы захватывали всю Олдербрук-роуд с безостановочными потоками транспорта и пешеходов. По обеим сторонам улицы сплошными рядами тянулись магазины, бары и кафе. На выделенных полосах рокотали двухэтажные автобусы.

– Вот здесь камера зафиксировала Бегуна, о котором сообщает Бристоу, – отметил Страйк и повернулся спиной к Олдербрук-роуд, чтобы рассмотреть более тихую Беллами-роуд, уходившую вместе с роскошными высокими домами в самое сердце жилого района Мейфэр. – Он засветился в этом месте за двенадцать минут до ее падения... пожалуй, это кратчайший путь от Кентигерн-Гарденз. Тут ходит ночной автобус. Такси, конечно, надежнее. Другое дело, что такси – не самое мудрое решение, если ты только что прикончил женщину.

Он вновь уткнулся в разломаченный путеводитель. Похоже, Страйка ничуть не волновало, что его примут за туриста. А хоть бы и так, подумала Робин, ему-то что, с такими габаритами.

За недолгий срок своей работы в качестве временной секретарши Робин уже сталкивалась с просьбами, выходящими далеко за рамки ее служебных обязанностей, а потому слегка задергалась, когда Страйк предложил ей пройтись. Но вскоре она сняла с него все подозрения в низменных намерениях. Долгий путь до этого района они, по сути, проделали молча; Страйк явно думал о своем и лишь изредка сверялся с картой.

Когда они дошли до Олдербрук-роуд, он все же высказал одну просьбу:

– Если заметите или сообразите нечто такое, что я прошляпил, обязательно скажите, ладно?

Робин даже затрепетала: она гордилась своей наблюдательностью, недаром у нее с детства была мечта, которая пока не сбылась, но для этого великана, шагавшего рядом с ней, стала делом жизни. С умным видом она принялась разглядывать улицу из конца в конец, пытаясь представить, что можно делать в таком месте около двух часов ночи, в мороз и снегопад.

– Сюда, – указал Страйк, не дав ей возможности отличиться, и они бок о бок двинулись по Беллами-роуд.

Улица исподволь сворачивала влево, открывая примерно шесть десятков домов, почти одинаковых, с блестящими черными дверями и короткими перилами по обеим сторонам чисто-белых ступеней, на которых стояли кадки с затейливо подстриженными вечнозелеными растениями. Кое-где виднелись мраморные львы, а также латунные таблички с именами и профессиями жильцов; в окнах верхних этажей светились люстры, а одна дверь стояла нараспашку, открывая черно-белый кафель пола, выложенный в шахматном порядке, картины в золоченых рамах и георгианскую лестницу.

На ходу Страйк обдумывал информацию, которую Робин утром нашла в интернете. Как он и подозревал, Бристоу покривил душой, сказав, что полиция даже не пыталась разыскать Бегуна и его пособника. Среди многочисленных, зачастую экзальтированных текстов, сохранившихся в интернете, затесались призывы к тем двоим выйти на связь с полицией, но результатов, похоже, это не дало.

Страйк, в отличие от Бристоу, не находил в действиях полиции никаких упущений. А

сработавшая автомобильная сигнализация доходчиво объясняла, почему парни дали деру и не спешили о себе заявлять. К тому же Бристоу, вероятно, плохо представлял качество съемки: камеры видеонаблюдения, как подсказывал богатый опыт Страйка, зачастую выдавали мутное черно-белое изображение, которое не позволяло даже приблизительно установить внешность человека.

А еще Страйк заметил, что Бристоу ни в своих записях, ни в личной беседе ни словом не обмолвился об анализе образцов ДНК, взятых в квартире его сестры. Вероятно, следов чужой ДНК обнаружено не было, коль скоро полиция с такой готовностью исключила Бегуна и его пособника из числа подозреваемых. Однако Страйк прекрасно знал, что с готовностью отбросить такую «мелочь», как анализ ДНК, можно и без злого умысла: если ты, к примеру, допускаешь возможность контаминации, а то и умелое замечание следов. Если видишь только то, что тебе удобно, и закрываешь глаза на нежелательные, упрямые факты.

Впрочем, результаты утреннего копания в «Гугле», вероятно, объясняли, почему Бристоу заикнулся на Бегуне. Лула в поисках своих биологических корней сумела найти родную мать – совершенно одиозную личность, даже если сделать поправку на извечную погоню прессы за сенсацией. Несомненно, те откровения, что Робин нашла в интернете, могли больно ударить не только по самой Лэндри, но и по ее приемной семье. Бристоу, которого Стайк при всем желании не мог считать человеком уравновешенным, полагал (возможно, в силу своей неуравновешенности), что у Лулы, во многом такой удачливой, не было никаких причин сводить счеты с жизнью. Что она сама накликала беду, когда попыталась вызнать тайну своего появления на свет, что разбудила дремавшего в далеком прошлом демона, который ее и убил. Не потому ли Бристоу так психанул, увидев поблизости от своей сестры чернокожего парня?

Углубляясь все дальше в этот анклав богатых, Страйк и Робин дошли до угла Кентигерн-Гарденз. Эта улица, как и Беллами-роуд, распространяла вокруг себя ауру внушительного, замкнутого, благополучного мира. Высокие дома Викторианской эпохи, краснокирпичные стены с каменным архитектурным орнаментом, а начиная со второго этажа – четыре яруса тяжеловесных вертикально вытянутых окон с небольшими каменными балкончиками. Каждую глянцево-черную входную дверь обрамлял белый мраморный портик; к каждому входу вели от тротуара три белоснежные ступеньки. Повсюду царили чистота и порядок; все дышало ухоженностью, которая достигается только большими деньгами. Припаркованных автомобилей были считанные единицы: из небольшой вывески следовало, что такая привилегия дается только по особому разрешению.

Без полицейского кордона и толпы репортеров дом номер восемнадцать гармонично сочетался с соседними.

– Упала она с балкона верхнего этажа, – сказал Страйк, – то есть метров с двенадцати.

Он изучал элегантный фасад. Балконы трех верхних этажей, как заметила Робин, были очень узкими: между балюстрадой и высокой балконной дверью едва протиснулся бы взрослый человек.

– Тут есть одна загвоздка. – Страйк прищурился, разглядывая верхний балкон. – Если столкнуть человека с такой высоты, нельзя быть уверенным, что он разобьется насмерть.

– Ну как же... почему? – засомневалась Робин, вообразив это кошмарное падение с верхнего балкона на мостовую.

– Вы не поверите. Я месяц провалялся в одной палате с неким валлийцем, которого сбросили примерно с такой же высоты. Переломы ног и таза, сильное внутреннее

кровотечение, но парень до сих пор живехонек.

Робин покосилась на Страйка, надеясь услышать, из-за чего он месяц провалялся в больнице, но детектив уже думал о другом: он хмуро изучал входную дверь.

– Кодовый замок, – пробормотал он, заметив квадратную металлическую пластину с кнопками, – а над дверью – камера. Бристоу никакой камеры не упоминал. Может, недавно установили?

Минуту-другую он примерял свои догадки к неприступным краснокирпичным фасадам этих запредельно дорогих крепостей. Прежде всего: почему Лула Лэндри поселилась именно здесь? Сонная, традиционная, душная улица Кентигерн-Гарденз была естественным пристанищем совершенно особой категории богатых: здесь обитали российские и арабские олигархи, главы гигантских корпораций, курсирующие между городскими квартирами и загородными имениями, а также состоятельные старые девы, медленно увядающие среди своих художественных коллекций. Ему показалось странным, что такое место жительства выбрала для себя девушка двадцати трех лет, которая, по всем данным, водилась с хипповой, богемной публикой, чье хваленое чувство стиля родилось на улице, а не в модном салоне.

– По-видимому, дом надежно охраняется, да? – предположила Робин.

– Наверняка. А вдобавок той ночью здесь толпились папарацци.

Страйк прислонился спиной к черным перилам дома номер двадцать три, чтобы получше рассмотреть дом восемнадцать. На том этаже, где находилась квартира Лулы, окна были самыми высокими, а ее балкон, в отличие от двух других, не украшали кадки с декоративными кустами. Достав из кармана пачку сигарет, Страйк предложил Робин закурить; она помотала головой, но про себя удивилась: в офисе она ни разу не видела босса с сигаретой. Он глубоко затянулся и сказал, не отводя взгляда от черной двери:

– Бристоу считает, что в ту ночь кто-то вошел и вышел незамеченным.

Робин уже не сомневалась, что здание охраняется на совесть, и решила, что Страйк сейчас начнет высмеивать версию клиента, но этого не произошло.

– Если так, – продолжил Страйк, сверля глазами дверь, – значит все было заранее спланировано, причем тщательно. Никто не станет полагаться на случай, когда нужно миновать шеренгу папарацци, кодовый замок, пост охраны, запертую внутреннюю дверь, а потом проделать обратный путь. Как-то не вяжется. – Он почесал подбородок. – Такой дальновидный расчет – и такая грубая работа.

Робин неприятно поразило это циничное определение.

– Столкнуть человека с балкона можно под влиянием момента, – пояснил Страйк, будто почувствовав, как она внутренне содрогнулась. – От злости. В приступе слепой ярости.

В компании с Робин ему было легко и приятно не только потому, что она внимала ему с раскрытым ртом и не дергала его, когда он молчал, но еще и потому, что аккуратное колечко с сапфиром у нее на пальце выглядело деликатной точкой: до этого предела – пожалуйста, дальше – ни-ни. Его это вполне устраивало. По крайней мере, с ней он мог позволить себе одно из немногих оставшихся удовольствий – слегка распушить перья.

– А что, если злодей уже находился в доме?

– Это куда более правдоподобно, – сказал Страйк, и Робин осталась необычайно довольна собой. – А если злодей уже находился в доме, то нам остается заподозрить либо дежурного охранника, либо чету Бестики, либо кого-то неизвестного, кто прятался внутри. Для супругов Бестики, а также для охранника Уилсона проникновение в дом и обратно не составляет труда; единственное – они должны были вернуться в то место, где им положено

находиться. Риск того, что Лула хоть и покалечится, но выживет и расскажет всю правду, оставался в любом случае, но если преступление совершил один из них, то логичнее допустить убийство незапланированное, совершенное в состоянии аффекта. Ссора, ослепление, жестокий выпад.

Затягиваясь сигаретой, Страйк продолжал разглядывать фасад, прикидывая в уме расстояние между балконами на втором этаже и на четвертом. Сейчас его мысли занимал продюсер Фредди Бестиги. Если верить сведениям, которые раскопала в интернете Робин, Бестиги спал у себя дома, когда Лула Лэндри перегнулась через балконные перила двумя этажами выше. По крайней мере, его жена не считала Бестиги виновным: ведь это она подняла тревогу и утверждала, что убийца все еще прячется наверху; муж в это время стоял рядом с ней. Тем не менее в момент гибели девушки он был единственным мужчиной, оказавшимся поблизости. По опыту Страйк знал: «чайники» всегда ищут, у кого был мотив, а профессионал в первую очередь прикидывает, у кого была удобная возможность.

Невольно подтвердив свою принадлежность к «чайникам», Робин спросила:

– Но кто будет затевать ссору среди ночи? Нигде не сказано, что у Лулы были конфликты с соседями, правда? Тэнзи Бестиги на убийство явно не способна, вы согласны? Неужели она, столкнув Лулу с балкона, тут же побежала бы к охраннику?

Страйк не дал прямого ответа; казалось, он погрузился в собственные мысли и потому выдерживал паузу.

– Бристоу заикнулся на тех пятнадцати минутах, когда охранник отсутствовал, а Лула уже вернулась домой, причем после того, как разбрелись папарацци. В этот краткий промежуток времени никаких препятствий к проникновению в дом не было, но откуда постороннему человеку знать, что охранник отлучился с поста? Дверь же не прозрачная.

– А кроме того, – с видом знатока подхватила Робин, – нужно прежде узнать код.

– Люди беспечны. Если охрана забывает периодически менять код, он становится известен множеству посторонних лиц. Давайте-ка пройдем вот туда.

Они молча дошли до конца Кентигерн-Гарденз и обнаружили узкий проезд, который сворачивал на задворки квартала. Страйка рассмешило название: «Серфс-Уэй». Рабский переулок. Две машины там бы не разъехались, но освещение было вполне приличное, ни одного темного закутка, только глухие бетонные ограждения по обеим сторонам бульжной мостовой. Вскоре они увидели железные ворота с электрическим приводом, а рядом – прибитую к стене огромную вывеску: «Вход воспрещен». Здесь скрывался от посторонних взглядов подземный гараж, общий для всех обитателей Кентигерн-Гарденз.

Когда за ограждением, судя по всему, начался дом номер восемнадцать, Страйк подпрыгнул, ухватился за верхний край бетонной стены, подтянулся и увидел маленькие вылизанные садики. Между задним фасадом каждого дома и прилегающим пяточком гладкого, ухоженного газона имелась незаметная лестница, ведущая в подвал. Человеку, задумавшему перелезть через такую стену, потребовалась бы, как прикинул Страйк, либо стремянка, либо помощь сообщника, который мог бы его подсадить, либо прочная веревка.

Он соскользнул по стене на мостовую и сдавленно застонал, приземлившись на протезированную ногу.

– Ерунда, – сказал он, когда Робин тревожно ахнула; она заметила у него легкую хромоту, но подумала, что это растяжение.

От похода по бульжной мостовой натертая культия разболелась еще сильнее. Жесткая конструкция протеза не была рассчитана на ходьбу по неровной поверхности. Про себя

Страйк мрачно заметил, что мог бы и не подтягиваться. Робин, конечно, милашка, но она в подметки не годилась той женщине, с которой он расстался.

– А ты уверена, что он сыщик? Этим может заниматься кто угодно. Пробивать людей по компьютеру.

У Мэтью было скверное настроение: на работе он разбирался с претензиями недовольного клиента и получил выволочку от нового начальства. А теперь еще поневоле выслушивал наивные и неоправданные, по его мнению, восторги невесты в адрес другого мужчины.

– Он этим не занимался, – возразила Робин. – Это я пробивала людей по компьютеру, а он тем временем разбирался с другим делом.

– Робин, мне не нравится такой расклад. Твой босс ночует в офисе. Тут что-то нечисто, неужели до тебя не доходит?

– Я же тебе объяснила: по-моему, его только что выставила подруга.

– Ее можно понять, – сказал Мэтью.

Робин с грохотом составила тарелки одну в другую и отнесла на кухню. Она злилась на Мэтью и слегка досадовала на Страйка. Ей понравилось выискивать в Сети знакомых Лулы Лэндри, но теперь, встав на точку зрения Мэтью, Робин подумала, что Страйк загружал ее ненужными, бессмысленными поручениями только для того, чтобы она не сидела сложа руки.

– Слушай, я же ничего не говорю. – Мэтью остановился на пороге кухни. – Просто, если тебя послушать, он какой-то странный тип. И что это за вечерние прогулки?

– Никаких вечерних прогулок не было, Мэтт. Нам потребовалось осмотреть место пре... нам потребовалось осмотреть то место, где, по мнению клиента, произошли некие события.

– Робин, к чему эти тайны мадридского двора? – засмеялся Мэтью.

– Я дала подписку о неразглашении, – бросила через плечо Робин. – И не имею права обсуждать с тобой подробности дела.

– «Подробности дела»! – презрительно фыркнул Мэтью.

Расхаживая по тесной кухне, Робин убирала приправы и хлопала дверцами кухонных шкафов. Наблюдая за движениями ее фигурки, Мэтью почувствовал, что хватил через край. Когда Робин стряхивала остатки ужина в мусорное ведро, он подошел к ней сзади, уткнулся лицом в ее шею и принялся ласкать грудь, на которой остались синяки, навсегда окрасившие его отношение к Страйку. Мэтью нашептывал слова примирения в медовые волосы Робин; она высвободилась, чтобы составить посуду в раковину.

У Робин сложилось ощущение, что сейчас ее принизили как личность. Ведь Страйк проявил интерес к той информации, которую она раскопала. Страйк выразил ей благодарность за инициативу и деловую сметку.

– Сколько собеседований – нормальных – у тебя назначено на следующую неделю? – спросил Мэтью, когда она повернула кран холодной воды.

– Три, – бросила она, перекрывая шум мощной струи, а сама яростно драила верхнюю тарелку.

Робин выждала, чтобы он ушел в гостиную, и только тогда прикрутила кран. Ей бросилось в глаза, что в оправе кольца застрял кусочек зеленой горошины.

В пятницу Страйк пришел в квартиру Шарлотты к половине десятого утра. По его расчетам, за полчаса она должна была оказаться где-то далеко, если, конечно, допустить, что Шарлотта и в самом деле ушла, а не караулила его за порогом. Внушительные, элегантные белые дома по обеим сторонам широкой улицы, старые платаны, мясная лавка, оставшаяся, видимо, от пятидесятих годов, облюбованные состоятельной публикой кафе; шикарные рестораны, в которых Страйку всегда виделась какая-то фальшь и театральность. Наверное, в глубине души он и раньше чувствовал, что не останется тут на всю жизнь, – здесь он был чужим.

Даже отпирая входную дверь, он до последнего не исключал, что вот-вот столкнется с Шарлоттой, но за порогом квартиры сразу понял, что дома никого нет. Когда он шел по коридору, его шаги отдавались инородным, преувеличенно громким стуком в особой, равнодушной тишине комнат.

Посреди гостиной стояли четыре открытые картонные коробки. В них были как попало свалены его незамысловатые, практичные пожитки, будто приготовленные для вывоза на блошинный рынок. Приподняв то, что лежало сверху, он заглянул внутрь, но не обнаружил ни осколков, ни рваных лоскутов, ни следов краски. Его одноклассники давно приобрели автомобили, собственные дома с техникой, мебелью и садом, и горные велосипеды, и газонокосилки; а его имущество составляли четыре коробки хлама да обрывочные воспоминания.

Безмолвная комната с розоватыми стенами и антикварным ковром, добротной темной мебелью и множеством книг служила несомненным образцом хорошего вкуса. С той ночи здесь произошло только одно изменение: на стеклянном приставном столике у дивана, где раньше стояла фотография смеющихся Страйка и Шарлотты на пляже в корнуолльском городке Сент-Моз, теперь благосклонно улыбался из той же серебряной рамки профессионально выполненный черно-белый образ покойного отца Шарлотты.

Над камином висела картина маслом – портрет восемнадцатилетней Шарлотты. Флорентийский ангел в облаке длинных темных волос. Шарлотта росла в такой семье, где для увековечивания своих отпрысков нанимали художника: этот круг, совершенно чуждый Страйку, представлялся ему опасной, неизведанной территорией. От Шарлотты он узнал, что большие деньги запросто уживаются с жестокостью и несчастьем. Ее семья, невзирая на изящество манер, обходительность и прирожденный вкус, эрудицию и некоторую склонность к внешним эффектам, была почище родни Страйка. Они с Шарлоттой потому и сошлись, что почувствовали эту прочную связующую нить.

Сейчас его посетила непрощенная мысль: не для того ли был заказан этот портрет, чтобы по прошествии времени большие зеленовато-карие глаза проследили за его уходом? Знала ли Шарлотта, каково ему будет рыскать в пустой квартире под надзором ее блистательной восемнадцатилетней копии? Понимала ли, что даже своим личным присутствием не смогла бы насолить ему больше, чем этой картиной?

Страйк отвернулся и прошелся по комнатам, но Шарлотта не оставила ему никаких зацепок. Все следы его пребывания, от зубной нити до армейских ботинок, были заранее свалены в коробки. С особой тщательностью он осматривал спальню, а спальня, безмятежная и сдержанная, с темным паркетом, белыми шторами и хрупким туалетным

столиком, осматривала его. Кровать, как и картина на стене, дышала живым человеческим присутствием. *Запомни, что тут происходило и чему больше не бывать.*

Он перетащил все четыре коробки за порог и, завершив последнюю ходку, столкнулся лицом к лицу с ухмыляющимся соседом, который запирал свою дверь. Этот хмырь всегда носил трикотажные рубашки поло с поднятым воротничком и вздох ржал в ответ на любые шутки Шарлотты.

– Генеральную уборку затеяли? – полюбопытствовал он.

Страйк решительно захлопнул дверь.

Ключи он оставил под зеркалом в прихожей, на полукруглом приставном столике, возле вазы с ароматической цветочной смесью. В зеркале отражалась его расцарапанная, грязноватая физиономия в желто-лиловых кровоподтеках, с заплывшим правым глазом. В тишине он явственно услышал голос из прошлого, прилетевший через долгие семнадцать лет: «Как же ты сюда пролез, урод кучерявый?» Теперь, стоя в прихожей, куда не собирался возвращаться, он уже и сам этого не понимал.

В последнем приступе мгновенного безумия, как пять дней назад, когда он бросился следом за Шарлоттой, Страйк вдруг решил не уходить, дожидаться ее возвращения, взять в ладони прекрасное лицо и сказать: «Давай начнем сначала».

Они уже пробовали, не раз и не два, но как только первая сумасшедшая волна взаимного желания шла на убыль, между ними снова всплывали безобразные обломки прошлого, которое мрачной тенью накрывало все, что они пытались изменить.

Страйк в последний раз затворил за собой входную дверь. На площадке уже никого не было. Он сволок все коробки вниз по лестнице, составил на тротуаре и стал ждать возможности тормознуть такси.

В последний рабочий день недели Страйк с утра предупредил Робин, что задержится. Он заранее дал ей ключ и попросил начинать без него.

Она немного, совсем чуть-чуть, обиделась, когда он небрежно сказал «последний». Это словечко сразу расставило все по местам: пусть у них сложились хорошие рабочие отношения (не важно, что слегка настороженные, сугубо деловые), пусть в офисе был наведен порядок, а убогий туалет на площадке теперь блистал чистотой, пусть звонок у подъезда приобрел совсем другой вид, когда она отскребла скотч и закрепила на стене аккуратную ламинированную табличку (угробив на это полчаса рабочего времени и два ногтя), пусть она исправно отвечала на звонки и с умным видом участвовала в обсуждении почти наверняка вымышленного убийцы Лулы Лэндри, Страйк не чаял, как от нее избавиться.

Понятно, что держать временную секретаршу ему не по карману. У него всего-то двое клиентов; сам, похоже, бездомный (на что постоянно указывал ей Мэтью, как будто ночевать в офисе мог лишь отъявленный подонок) – Робин прекрасно понимала, что в его положении продлевать с ней контракт не имеет смысла. Но понедельник она ждала в унынии. Опять какой-нибудь незнакомый офис (ей уже звонили из «Временных решений» и продиктовали адрес) – как водится, чистый, светлый, людный, жужжащий от сплетен, не способный предложить ей ничего мало-мальски интересного. Ну хорошо, Робин не верила в существование убийцы и знала, что Страйк тоже не верит, но сам процесс!

За минувшую неделю она получила столько удовольствия, что даже постеснялась рассказать об этом Мэтью. Все ее обязанности, в том числе и необходимость дважды в день звонить в продюсерский центр Фредди Бестиги «БестФилмз», просить, чтобы ее соединили с владельцем, и получать неизменный отказ, давали ей ощущение собственной значимости, которое она редко испытывала на работе. Более всего ее занимал способ мышления других людей: в свое время она училась в университете на психологическом, но из-за непредвиденных обстоятельств не дошла до диплома.

В половине десятого Страйк так и не появился, зато прибыла посетительница: тучная, нервно улыбающаяся дама в оранжевом пальто и фиолетовом вязаном берете. Это была миссис Хук; Робин знала ее имя – единственная клиентка босса. Усадив миссис Хук на продавленный диванчик у своего стола, Робин заварила для нее чай (после того как Робин смущенно описала Страйку похотливого мистера Крауди, в офисе тут же появились недорогие чашки и коробка чайных пакетиков).

– Извините, я раньше времени, – в третий раз повторила миссис Хук, безуспешно пытаясь пригубить обжигающий чай. – Что-то я вас раньше не видела, вы новенькая?

– Я здесь временно, – сказала Робин.

– Как вы, наверное, поняли, дело касается моего мужа. – Миссис Хук ее не слушала. – Хочу узнать правду, какой бы горькой она ни была. Оттягивать больше невозможно. Лучше уж знать правду, верно? Лучше знать горькую правду. Я надеялась застать Корморана. Он выехал по другому делу?

– Да, это так, – подтвердила Робин, хотя и подозревала, что на самом деле Страйк решает какие-то таинственные личные проблемы; уж очень уклончиво он сообщил ей, что задержится.

– А вы знаете, кто его отец? – спросила миссис Хук.

– Нет, не знаю. – Робин подумала, что несчастная женщина имеет в виду отца своего мужа.

– Джонни Рокби, – выразительно произнесла миссис Хук.

– Джонни Рок...

У Робин перехватило дыхание: в один миг до нее дошло, что миссис Хук говорит об отце Страйка и что могучий корпус самого Страйка уже маячит за стеклянной дверью. Более того, она заметила, что ее босс приволок с собой какую-то громоздкую поклажу.

– Одну минуточку, миссис Хук, – сказала Робин.

– Что такое? – спросил Страйк, высовываясь из-за картонной коробки, когда Робин стрелой выскочила на лестничную площадку и прикрыла за собой стеклянную дверь.

– Здесь миссис Хук, – шепнула она.

– Тьфу, зараза! На час раньше.

– В том-то и дело. Я подумала, что вы, наверное, захотите... мм... немного подготовить кабинет, прежде чем ее принять.

Страйк опустил коробку на металлический пол.

– Мне еще нужно с улицы кое-что занести, – сказал он.

– Я помогу, – вызвалась Робин.

– Нет, возвращайтесь и займите ее беседой. Она ходит на курсы гончарного искусства и считает, что ее муж спит со своей бухгалтершей.

Прихрамывая, он заспешил вниз по лестнице, оставив коробку под дверью.

Джонни Рокби – неужели это правда?

– Он уже идет, – жизнерадостно сообщила Робин, усаживаясь за стол. – Мистер Страйк рассказывал, что вы занимаетесь гончарным искусством. Я всегда мечтала попробовать...

За пять минут Робин много чего наслушалась о достижениях гончарного искусства и об ангельском характере чуткого юноши – руководителя курсов. Потом стеклянная дверь широко распахнулась, и в приемную вошел Страйк, не обремененный никакой поклажей. Он вежливо улыбнулся миссис Хук, которая вскочила ему навстречу.

– Боже, Корморан, что у вас с глазом! – ужаснулась она. – На вас напали?

– Нет, – ответил Страйк. – Если вы минутку подождете, миссис Хук, я подготовлю ваше дело.

– Понимаю, Корморан, я приехала раньше времени, уж извините... Всю ночь не спала.

– Позвольте вашу чашечку, миссис Хук.

Робин удачно отвлекла внимание клиентки, чтобы та, чего доброго, не заглянула в кабинет, когда туда проскользнет Страйк. Раскладушка, спальный мешок, чайник...

Через несколько минут Страйк появился вновь, на этот раз в облаке химического лайма, и миссис Хук, бросив обреченный взгляд на Робин, уединилась с ним в кабинете. Дверь плотно закрылась.

Робин опять села за стол. Утреннюю почту она давно разобрала. Покрутилась из стороны в сторону на своем офисном стуле, затем придвинулась к компьютеру и машинально открыла Википедию. С равнодушным видом, как будто ее пальцы сами собой забегали по клавишам, она ввела две фамилии: *Рокби Страйк*.

Статья появилась мгновенно, вместе с черно-белым, безошибочно узнаваемым изображением человека, чья слава гремела вот уже четыре десятилетия. Узкое лицо Арлекина, безумные глаза, которые будто напрашивались на карикатуру, тем более что левый

эксцентрично косил; капли пота на лбу, разметавшиеся волосы и широко раскрытый перед микрофоном рот.

Джонатан Леонард «Джонни» Рокби, род. 1 августа 1948 г., вокалист популярной в 1970-е гг. рок-группы The Deadbeats, член Зала славы рок-н-ролла, многократный обладатель премии «Грэмми»...

Страйк ничем его не напоминал, разве что асимметрией глаз, но в случае Страйка это было временное состояние.

Дальше Робин проскролила всякие подробности:

...мультиплатиновый альбом «Hold It Back» (1975). Беспрецедентный тур по Америке был прерван в Лос-Анджелесе в связи с обвинением в хранении наркотиков и арестом нового гитариста Дэвида Карра, с которым... –

и остановилась на рубрике «Личная жизнь»:

Рокби три раза состоял в браке: в 1969–1973 гг. – с однокурсницей по Школе искусств Ширли Мулленс, от которой имеет дочь Мейми; в 1975–1979 гг. – с манекенщицей, актрисой, активисткой Движения за гражданские права Карлой Астольфи, от которой имеет двух дочерей: телеведущую Габриэлу Рокби и дизайнера ювелирных изделий Даниэлу Рокби; с 1981 г. по настоящее время – с кинопродюсером Дженни Грэм, от которой имеет двоих сыновей, Эдварда и Эла. У Рокби также есть внебрачные дети: дочь Пруденс Данливи, от актрисы Линдси Фэнтроп, и сын Корморан, от известной фанатки Леды Страйк, которая в 1970-е гг. сопровождала группу во всех поездках.

Из кабинета донесся душераздирающий вопль. Робин вскочила так резко, что стул откатился назад. Вопль стал еще громче и пронзительней. Она бросилась в кабинет.

Миссис Хук, которая, сняв оранжевое пальто и фиолетовый берет, осталась в джинсах и каком-то гончарном балахоне, бросилась на Страйка и молотила его кулаками в грудь; звук был как от бурлящего чайника. Монотонный вопль не умолкал ни на миг: казалось, она должна либо перевести дух, либо задохнуться.

– Миссис Хук! – вскричала Робин и схватила клиентку за дряблые предплечья, чтобы выручить Страйка.

Но миссис Хук оказалась сильнее, чем можно было подумать: она действительно сделала паузу и набрала полную грудь воздуха, но не прекратила лупить Страйка; ему не оставалось ничего другого, кроме как осторожно поймать ее запястья и удерживать их в воздухе. Однако миссис Хук сумела вырваться и с собачьим воем бросилась навстречу Робин.

Поглаживая рыдающую женщину по спине, Робин мелкими шажками вывела ее в приемную.

– Вот так, миссис Хук, вот так, – приговаривала она, заботливо усаживая клиентку на диван. – Давайте я чай заварю. Вот так.

– Мне очень жаль, миссис Хук, – официальным тоном проговорил Страйк с порога своего кабинета. – С такими известиями смириться нелегко.

– Мне к-казалось, это Валери, – скулила миссис Хук, обхватив растрепанную голову руками и раскачиваясь взад-вперед под стон диванных пружин. – Мне казалось, это Валери, а это... м-моя родная сестра.

– Я пошла заваривать чай! – в смятении прошептала Робин.

В дверях она спохватилась, что не закрыла страницу с биографией Джонни Рокби. Бежать назад с чайником было бы нелепо, и она поспешила за водой в надежде, что Страйк будет успокаивать миссис Хук и не посмотрит на монитор.

Прошло сорок минут; миссис Хук, выпив две чашки чая, израсходовала половину рулона туалетной бумаги, принесенного Робин из уборной на площадке. В конце концов, промокая глаза и судорожно вздрагивая, она удалилась и унесла с собой компрометирующие фотографии, а также индекс, указывающий место и время съемки.

Страйк выждал, чтобы клиентка скрылась за углом, и, весело напевая, сходил за сэндвичами, которые они с Робин приговорили за ее столом. Это был самый дружественный его жест за всю неделю; Робин не сомневалась, что ей устроили своего рода отвальную.

– Вам известно, что сегодня после обеда у меня встреча с Дерриком Уилсоном? – спросил он.

– С охранником, которого пробрал понос, – уточнила Робин. – Да, известно.

– Когда я вернусь, вас уже не будет, так что мне надо перед уходом закрыть ваш табель. Слушайте, спасибо вам за... – Страйк кивком указал на опустевший диван.

– Не за что. Бедная женщина.

– Угу. По крайней мере, теперь она его припрет к стенке. Да, кстати, – продолжил он, – спасибо за все, что вы сделали в течение этой недели.

– Это моя работа, – непринужденно ответила Робин.

– Если б я мог позволить себе секретаршу... но вас, я думаю, ждет хлебная должность личного референта у какого-нибудь воротилы.

Робин почему-то обиделась.

– Я к этому не стремлюсь, – сказала она.

Повисла напряженная пауза.

Страйк вяло заспорил сам с собой. Ему не улыбалось со следующей недели приходить в пустую приемную; общество Робин оказалось приятным и необременительным, а ее деловые качества не могли не радовать; но платить за приятное общество было бы нелепо да и расточительно – он же не какой-нибудь гнусный викторианский магнат, правда? «Временные решения» брали грабительские комиссионные; Робин оказалась для него непозволительной роскошью. Он поставил ей еще один плюс за то, что она не стала расспрашивать его об отце (от Страйка не укрылась страница из Википедии на экране монитора): где еще найдешь такую сдержанность – именно этим качеством он обычно мерил новых знакомых. Но в любом случае на первый план выступали практические соображения – увольнять так увольнять.

А вот поди ж ты, в голову лезло совсем другое: одиннадцатилетним пацаном он поймал змейку медянку в корнуолльском лесу Тревейлор; как только не умолял он тетю Джоан: «Ну пожалуйста, разреши мне ее оставить... пожалуйста!»

– Ладно, я пошел. – Он уже подписал ей табель учета рабочего времени и выбросил обертки от сэндвичей в корзину для бумаг вместе со своей бутылкой из-под воды. – Спасибо за все, Робин. Удачи на новом месте.

Страйк взял пальто и закрыл за собой стеклянную дверь.

У лестницы, на том самом месте, где он сначала чуть не убил, а потом спас временную секретаршу, ноги почему-то сами собой остановились. Чутье держало его мертвой хваткой, как упрямый пес. Стеклянная дверь со стуком распахнулась у него за спиной; он обернулся.

Робин вспыхнула.

– Послушайте, – сказала она, – мы можем договориться. Чтобы обойтись без «Временных решений». Вы будете платить мне из рук в руки.

Он заколебался:

– Агентства по временному трудоустройству этого не любят. Вас занесут в черный список.

– Ну и пусть. У меня на следующей неделе три собеседования, устраюсь на постоянную работу. Если в назначенное время вы меня отпустите...

– Без проблем, – сказал он, не успев прикусить язык.

– Вот и хорошо, тогда я смогу остаться еще на неделю-другую.

Пауза. Здравый смысл вступил в короткий, жестокий бой с чутьем и душевным расположением – и проиграл.

– Угу... ладно. Что ж, в таком случае позвоните-ка еще разок Фредди Бестиги, хорошо?

– Да, непременно, – сказала Робин, пряча ликование под маской деловитой невозмутимости.

– Тогда увидимся в понедельник после обеда.

Впервые за все время Страйк ей улыбнулся. Казалось бы, он должен был на себя досадовать, но, выходя на послеполуденный холодок, почему-то не испытал ни малейшего сожаления, а, наоборот, почувствовал непонятный прилив оптимизма.

Когда-то Страйку пришло в голову подсчитать, сколько школ он сменил в детские годы; набралось семнадцать, но еще две-три вполне могли выпасть из памяти. В подсчет не вошел краткий период мнимого домашнего обучения, который пришелся на те два месяца, что он провел с матерью и сводной сестрой в заброшенном строении на Атлантик-роуд в Брикстоне. Тогдашний сожитель матери, белый музыкант-растаман, взявший себе имя Шумба, считал, что система школьного образования навязывает учащимся патриархальные, меркантильные ценности, совершенно ненужные его приемным детям. Главный урок, который усвоил Страйк за время домашнего обучения, сводился к тому, что гашиш, даже употребляемый по духовным соображениям, делает потребителя тупым параноиком.

По дороге в кафе, где была назначена встреча с Дерриком Уилсоном, Страйк без всякой нужды сделал крюк, чтобы пройти через Брикстонский рынок. Пропахшие рыбой сводчатые галереи; живописные лотки с незнакомыми фруктами и овощами из Африки и Вест-Индии; мясные лавки, торгующие халяльными продуктами; под большими вывесками, изображающими манерные косички и локоны, – парикмахерские с рядами париков на белых пенопластовых болванках – все это вернуло Страйка на двадцать шесть лет назад, когда они с младшей сестренкой Люси болтались где придется, пока мать с Шумбой валялись на грязных подушках, лениво обсуждая важные духовные принципы, которые следовало привить детям.

Семилетняя Люси мечтала о прическе как у девушек с Ямайки. Во время долгой поездки обратно в Сент-Моз она, сидя на заднем сиденье «моррис-майнора», принадлежавшего дяде Теду и тете Джоан, истово умоляла, чтобы ей сделали косички-дреды с бусинами. Страйк запомнил, как тетя Джоан спокойно соглашалась, что это очень красиво, а сама хмурилась, и в зеркале заднего вида отражалась морщинка между ее бровями. Джоан старалась (с годами – все менее успешно) не осуждать мать в присутствии детей. Страйк так и не понял, как дядя Тед разыскал их жилище: просто в один прекрасный день они с Люси вернулись в заброшенное строение и застали там здорового маминого брата, который стоял посреди комнаты и угрожал Шумбе расправой. Через два дня они с сестренкой уже были в Сент-Мозе и опять стали ходить в начальную школу, где с перерывами проучились потом несколько лет, воссоединившись как ни в чем не бывало со старыми приятелями и быстро избавившись от местных говоров, которые для маскировки усваивали всюду, куда только привозила их Леда.

Страйк не воспользовался маршрутом, который под диктовку Деррика записала Робин: кафе «Феникс» на Колдхарбор-лейн было знакомо ему с детства. Иногда их с сестрой водили туда мать и Шумба: в этой маленькой сараюшке с коричневыми стенами можно было заказать (если, конечно, ты не ударился в вегетарианство, как мать с Шумбой) сытный, вкуснейший завтрак – огромную яичницу с беконом и сколько угодно золотисто-коричневого чая. Здесь почти ничего не изменилось: небольшой, уютный, грязноватый зал; зеркала, пластиковые столешницы под дерево; выложенный бордовым и белым кафелем заляпанный пол; оклеенный рельефными обоями потолок цвета маниоки. Пожилая приземистая официантка, у которой были выпрямленные волосы и длинные оранжевые серьги из пластмассы, посторонилась, чтобы Страйк мог протиснуться мимо стойки.

За столиком под пластмассовыми часами с рекламой лестерширских пирогов «Пукка-пайз» в одиночестве сидел с газетой «Сан» крепко сбитый уроженец Вест-Индии.

– Деррик?

– Ну... А ты – Страйк?

Пожав большую сухую ладонь Уилсона, Страйк подсел к нему за столик. По его прикидкам, Уилсон был одного с ним роста. Рукава форменного джемпера лопались от мышц и жира, волосы были подстрижены совсем коротко, а с чисто выбритого лица смотрели миндалевидные глаза. Из меню, кое-как написанного на доске, прибитой к задней стене, Страйк выбрал мясную запеканку и картофельное пюре, очень кстати вспомнив, что четыре фунта семьдесят пять пенсов можно будет включить в накладные расходы.

– Ага, запеканка с пюре у них что надо, – одобрил Уилсон.

Его лондонский выговор был едва заметно разбавлен карибским акцентом. Глубокий голос звучал спокойно и размеренно. Страйк подумал, что такой человек в форме охранника должен внушать жильцам спокойствие.

– Спасибо, что согласился на эту встречу. Ценю. Джон Бристоу не удовлетворен результатами расследования смерти своей сестры. Он поручил мне еще раз проверить улики.

– Да-да, – сказал Уилсон, – я в курсе.

– Сколько он тебе заплатил, чтобы ты пришел на эту встречу? – как бы между прочим поинтересовался Страйк.

Уилсон поморгал и виновато хохотнул.

– Двадцать пять фунтов, – признался он. – Если ему так легче, то и хорошо, правда же? Это ведь ничего не меняет. Сестра его наложила на себя руки. Но ты спрашивай, чего хотел. Я не против.

Он сложил газету. С первой полосы смотрел премьер-министр Гордон Браун, усталый, с припухшими глазами.

– Тебя уже полиция с пристрастием допросила, – сказал Страйк, положив открытый блокнот рядом с тарелкой, – но мне желательно услышать из первых уст, что произошло в ту ночь.

– Пожалуйста, нет проблем. Киран Коловас-Джонс тоже, наверное, подъедет, – добавил Уилсон.

Видимо, он думал, что Страйку знакомо это имя.

– Кто? – переспросил Страйк.

– Киран Коловас-Джонс. Водитель Лулы. Он тоже хочет с тобой переговорить.

– Отлично, – сказал Страйк. – В котором часу его ждать?

– Без понятия. Он же на работе. Как сможет, так и появится.

Официантка принесла кружку чая и поставила перед Страйком; он поблагодарил и щелкнул авторучкой. Не успел он задать первый вопрос, как Уилсон сказал:

– Мистер Бристоу говорит, ты в армии отслужил.

– Угу, – подтвердил Страйк.

– А у меня племянш сейчас в Афганистане, – сообщил Уилсон, прихлебывая свой чай. – В провинции Гильменд.

– В каких войсках?

– Связист.

– Давно служит?

– Четыре месяца. Мать глаз не смыкает, – сказал Уилсон. – А ты почему дембельнулся?

– Ногу оторвало, – с непривычной для себя откровенностью ответил Страйк.

Это была не вся причина, а лишь та часть, которую проще всего объяснить незнакомцу. Страйк мог бы продолжить службу – его уговаривали остаться, – но, лишившись ноги по

колено, он вплотную подошел к тому решению, которое зрело у него, как он понял, уже два года. Он осознал, что приблизился к определенной грани, за которой пути назад не будет, — он просто не сможет найти себя на гражданке. Служба год за годом исподволь меняет твою личность; подгоняет тебя под общую мерку, чтобы легче плылось по волнам армейской жизни. Страйк никогда не погружался в нее с головой и, пока этого не произошло, предпочел уволиться в запас. А все равно Отдел специальных расследований он вспоминал с теплотой, хотя и потерял полноги. Хорошо бы и Шарлотту вспоминать с таким же неомраченным чувством.

Уилсон медленно покивал в ответ на объяснение Страйка.

— Хреново, — сипло выговорил он.

— Я еще легко отделался по сравнению с другими.

— Это точно. Две недели назад одного парнишку, с которым племян мой служил, в ключья разорвало.

Уилсон отпил еще чая.

— Какие у тебя были отношения с Лулой Лэндри? — спросил Страйк, держа наготове ручку. — Ты часто ее видел?

— Только когда она мимо поста проходила. Всегда «здрасте» скажет, «спасибо», «пожалуйста», от других-то слова доброго не дождешься, от богатеев гребаных, — емко ответил Уилсон. — Самый долгий разговор был у нас с ней про Ямайку. У нее там какая-то работенка намечалась, вот она и расспрашивала: где лучше остановиться, что да как. А я у нее автограф попросил, для Джейсона, это племян мой, — ему на день рождения. Дал ей открытку подписать и послал ему в Афганистан. Она потом как мимо проходила, всякий раз про Джейсона спрашивала, по имени, прямо душу мне грела, веришь? Я в охране давно служу. Иные люди считают, что ты должен их от пуль заслонять, а сами имя твое запомнить не утруждаются. Да, славная была девушка.

Тут принесли обжигающую запеканку и картофельное пюре. Страйк и Уилсон почтительно умолкли, разглядывая гору еды. У Страйка потекли слюнки; взяв нож и вилку, он сказал:

— Можешь подробно рассказать, что происходило в тот вечер, когда погибла Лула? Она вышла из дому — в котором часу?

Поддернув рукав джемпера, охранник задумчиво почесал руку выше запястья; Страйк обратил внимание на татуировки: кресты, инициалы.

— В начале восьмого, что ли. Вышла с подружкой, с Сиарой Портер. Они к дверям, а навстречу им мистер Бестиги. Заговорил с Лулой. Слов я не разобрал. А она недовольна была. Я видел, какое у нее лицо.

— И какое же?

— Кислое, — без запинки ответил Уилсон. — Потом я на монитор глянул — они в машину сажались, Портер с Лулой. У нас камера над входом, понимаешь? К монитору подсоединена, что у нас на стойке, — мы смотрим, кто в дверь звонит.

— Запись есть? Можно просмотреть эту запись?

Уилсон помотал головой:

— Мистер Бестиги не разрешил вешать ничего такого. Никаких записывающих устройств. Он тут первым квартиру купил, это сейчас все распроданы, а тогда многое по его указке делалось.

— Что же это за камера? Просто высокотехнологичный глазок?

Уилсон кивнул. От его левого века к середине скулы тянулся тонкий шрам.

– Ага. Так вот, значит, села она с подругой в машину. Киран – это он сегодня должен сюда подъехать – в тот вечер их не возил. Его отправили Диби Макка встречать.

– А кто был за рулем?

– Другой парень, Мик, тоже из агентства «Экзекарс». Она и раньше с ним ездила. Ну, вижу я, значит, папарацци машину окружили, проезду не дают. Всю неделю тут околачивались – пронюхали, что она снова с Даффилдом сошлась.

– А что стал делать Бестиги, когда Лула и Сиара уехали?

– Забрал у меня почту и пошел по лестнице к себе в квартиру.

Чтобы сделать очередную запись, Страйк опускал вилку после каждого кусочка запеканки.

– После этого кто-нибудь входил, выходил?

– Ну, официанты из фирмы заказ доставили – закуски и прочее: у Бестиги в тот вечер гости были. Американцы какие-то, муж с женой, приехали после восьми, поднялись в квартиру номер один, ушли чуть ли в полночь, а до того времени больше никто не входил и не выходил. Потом Лула примерно в полвторого вернулась, а других я никого не видел. Слышу, папарацци у входа ее имя выкрикивать стали. Их там целая толпа собралась. Одни прямо от ночного клуба за ней увязались, другие у дома поджидали – эти Диби Макка высматривали. Его к половине первого ночи ждали. Лула снаружи позвонила, я кнопку нажал – открыл.

– Она не набирала код входной двери?

– Да ей не до того было, когда ее так осаждали, – хотела побыстрее скрыться. А эти-то орут, наседают.

– Разве она не могла попасть в дом через подземный гараж, чтобы с ними не сталкиваться?

– Ага, когда Киран ее возил, она так и делала – сама дала ему пульт от гаража. А у Мика пульта не было, вот он и высадил ее перед входом. «Доброй ночи, – говорю, – неужто снег повалил?» Вижу – у нее снежинки в волосах, сама дрожит, платьишко-то кургузое. А она, мол, на улице минус, то да се. А потом выпалила: «Черт бы их побрал! Всю ночь они, что ли, здесь торчать собираются?» В смысле, папарацци. Ну, я и говорю: они, мол, Диби Макка дожидаются, а он запаздывает. Она прямо завелась. В лифт зашла – и к себе поехала.

– Завелась?

– Еще как!

– Так завелась, что жить расхотела?

– Ну нет, – возразил Уилсон. – Просто завелась, разозлилась.

– А что было потом?

– А потом, – сказал Уилсон, – я по нужде отлучился. Живот скрутило. Пришлось в сортир бежать с полным баком. Приперло, пойми. Это я от Робсона заразу подцепил. Он аккурат на больничном был, по животу. Просидел я в сортире минут пятнадцать. А куда денешься? Так меня несло – наизнанку выворачивало. Сижусь на толчке и слышу вопли. Нет, вру, – поправился он, – сперва я стук услышал. Где-то поодаль. Мне-то невдомек было, что это тело грохнулось – Лула то есть. А уж потом сверху вопить стали, по лестнице затопали. Натянул я штаны, выскочил в вестибюль, а там миссис Бестиги, чуть не нагишом, трясется, кричит, мечется, как собака бешеная. Лула, говорит, погибла, ее какой-то мужик с балкона выбросил. «Оставайтесь, – говорю ей, – тут», а сам за дверь. Там я тело и увидел. Лежало на

мостовой, лицом в снег.

Сжимая кружку мощной пятерней, Уилсон сделал изрядный плоток чая и добавил:

– Половина черепа проломлена. На снегу кровь. Вижу – шея тоже сломана. Из головы... это... да...

Страйку будто ударил в ноздри сладковатый, ни на что не похожий запах человеческих мозгов. Этот запах он узнавал безошибочно. Такое не забывается.

– Бросился я обратно, – продолжил Уилсон. – Вижу – Бестиги уже вдвоем, он жену наверх тащит, чтоб не позорилась, а она знай вопит. Я их попросил вызвать полицию и с лифта глаз не спускать – вдруг злодей спустится надумает. А сам схватил в подсобке ключ-вездеход – и бегом наверх. На лестнице никого. Отпираю я дверь в квартиру Лулы...

– А для самообороны ничего с собой не взял? – перебил Страйк. – Ты ведь подозревал, что там кто-то есть? Чужак, только что убивший женщину.

Повисла долгая пауза. Самая длинная.

– У меня и мысли такой не было, – сказал наконец Уилсон. – Думал, скручу его – и дело с концом.

– Скрутишь кого?

– Даффилда, – выдавил Уилсон. – Я думал, там Даффилд.

– Откуда такая уверенность?

– Я думал, он вошел, пока я в сортире был. Код ему известен. Ну, думаю, поднялся он наверх, она его впустила. Накануне они поскадалили, я сам слышал. Он злой был как черт. Да... Вот я и подумал, что это он Лулу сбросил. А в квартиру вхожу – там пусто. Все комнаты обошел. В шкафы заглянул – никого. В гостиной балконная дверь нараспашку. А на улице подморозило. Я закрывать не стал, ничего не трогал. Вышел из квартиры, кнопку лифта нажал. Двери тут же открылись – лифт по-прежнему на ее этаже стоял. В кабине никого. Я опрометью вниз по лестнице. Пробегаю мимо квартиры Бестиги, слышу – они у себя: она воеет, он на нее орет. То ли вызвали они полицию, то ли не вызвали – я-то не знаю. Схватил со стойки свой мобильник, побежал с ним к Луле... ну... чтоб она без присмотра не лежала. Хотел в полицию позвонить уже с улицы и машину встретить. Не успел на девятку нажать, слышу – сирена. Быстро приехали.

– Значит, их вызвали Бестиги – либо муж, либо жена?

– Ага. Муж. Приехали двое в форме, на патрульной машине.

– Понятно, – сказал Страйк. – Хотелось бы уточнить: ты поверил, когда миссис Бестиги сказала, что слышала наверху мужчину?

– Ну да, – ответил Уилсон.

– А с какой стати?

Слегка нахмурившись, Уилсон призадумался и стал смотреть на улицу поверх правого плеча Страйка.

– Она ведь в тот момент не сообщила тебе никаких подробностей, верно? – настаивал Страйк. – Например, чем она занималась, когда услышала мужской голос? Почему не спала в два часа ночи?

– Нет, не сообщила, – согласился Уилсон. – Она в подробности не вдавалась. Но вела себя так... понимаешь... В истерике билась. Тряслась, как собачонка на морозе. И только твердила: «Там мужчина, он ее сбросил». Перепугана была до смерти. Но там никого не было, детьми своими клянусь. В квартире пусто, в лифте пусто, на лестнице пусто. Если кто-то в дом проник, куда он подевался?

– Итак, прибыли полицейские. – Страйк мысленно вернулся в ту снежную ночь, к искалеченному телу. – Что было дальше?

– Миссис Бестиги как увидела из окна патрульную машину, сбежала вниз в одном халате; следом муж ее. Выскочила она на улицу, прямо на снег, и давай вопить, что, мол, в доме прячется убийца. Тут и в соседних домах стал загораться свет. В окнах лица замаячили. Половина улицы проснулась. Жильцы высыпали на тротуар. Один полицейский остался возле трупа, вызвал по рации подкрепление, а другой вместе с нами – со мной и четой Бестиги – зашел в вестибюль. Приказал им сидеть у себя в квартире и ждать, а мне велел показать ему все здание. Начали мы с верхнего этажа; отпираю дверь Лулы, показываю ему квартиру, открытую балконную дверь. Он все проверил. Показал я ему лифт, все еще на этой площадке. Потом вниз пошли. Он спросил про квартиру этажом ниже, я «вездеходом» открыл. Там темно. Сработала сигнализация. Не успел я свет включить, а полицейский уже ломанулся в прихожую, налетел на столик и сшиб огромную вазу с букетом роз. Всюду осколки, вода, цветы. Потом нагорело ему... Обыскали мы квартиру. Все комнаты, все шкафы – никого. Окна заперты. Ну, вернулись мы в вестибюль. К тому времени люди в штатском подоспели. Затребовали ключи от подвала, где тренажерный зал, от бассейна, от гаража. Один пошел брать показания у миссис Бестиги, другой вызывал подкрепление, но для этого на улицу вышел, потому как сюда со всего квартала народ сбежался, многие по мобильным базарили, фотографировали. Легавые в форме пытались их разогнать по домам. А снегу-то навалило, снегу! Когда судмедэксперты приехали, над трупом палатку поставили. Пресса уже тут как тут. Полиция ленту натянула, ограждение из машин поставила.

Страйк успел подчистить свою тарелку и сдвинул ее в сторону. Заказав на двоих еще чая, он опять занес авторучку:

– Сколько персонала работает в доме номер восемнадцать?

– Охранников – трое: я, Колин Маклауд и Иэн Робсон. Работа у нас посменная, на посту круглые сутки кто-то есть. Я-то в ту ночь должен был дома спать, да Робсон позвонил мне на пост около шестнадцати часов: на корпус, говорит, пробило, сил нет. Ладно, говорю, отдежурю за тебя. Он меня в том месяце подменял, когда мне по семейным делам требовалось съездить. То есть за мной должок был. Вот так я и попал под раздачу, – заключил Уилсон и немного помолчал, размышляя о своих злоключениях.

– Другие охранники тоже были в хороших отношениях с Лулой?

– Ну да, они тебе то же самое скажут, что и я. Славная была девушка.

– А из obsługi есть кто-нибудь?

– Две уборщицы, полячки. По-английски – ни бум-бум. Ты от них ничего не добьешься.

Показания Уилсона, думал Страйк, делая записи в блокноте Отдела специальных расследований (прихватил пару штук по случаю, когда в последний раз наведаясь в Олдершот^[9], в Дом британской армии), оказались сверхъестественно качественными: краткие, точные, пронизательные. Не часто приходится слышать такие внятные ответы, и уж совсем редко люди отчетливо выстраивают свои мысли, что избавляет от необходимости задавать дополнительные, уточняющие вопросы. Страйк давно занимался раскопками в руинах горькой людской памяти, умел войти в доверие к убийце, разговорить запуганного, бросить наживку злоумышленнику, поставить ловушку хитрецу. В случае с Уилсоном эти навыки не понадобились: как видно, Джон Бристоу вывел его на охранника в приступе своей паранойи.

Тем не менее Страйку была свойственна неистребимая скрупулезность. Схалтурить при

допросе свидетеля было для него так же невыносимо, как провалиться в исподнем, дымя сигаретой, на койке в военном лагере. И в силу характера, и в силу выучки, уважая себя не меньше, чем клиента, он продолжил с той же дотошностью, за которую в армии одни его превозносили, а другие ненавидели:

– Давай ненадолго вернемся на день раньше. В котором часу ты заступил на пост?

– В девять, как полагается. Колина сменил.

– У вас есть журнал учета посетителей?

– Ну да, всех записываем, кроме жильцов. Журнал на стойке лежит.

– Не помнишь, кто накануне приходил?

Уилсон заколебался.

– Рано утром Джон Бристоу заходил к сестре, верно? – подсказал Страйк. – Она еще приказала тебе его не впускать.

– Это он сам тебе доложил? – Уилсон, казалось, вздохнул с некоторым облегчением. – Ну да, приказала. Но я его пожалел, веришь? Он должен был вернуть ей какой-то контракт, беспокоился, вот я его и пропустил.

– А о других посетителях тебе ничего не известно?

– Ну, Лещинская уже находилась в доме. Уборщица. Эта всегда к семи утра приходит. Лестницу драила, когда я на пост заступил. А потом только техник приходил, сигнализацию проверял. У нас каждые полгода проверка. Когда ж он появился? Где-то без двадцати десять, что ли.

– Техник был знакомый?

– Нет, новенький. Мальчишка совсем. К нам всякий раз другого присылают. Миссис Бестиги и Лула были еще дома, так что я провел его на третий этаж, показал, где панель управления, и он взялся за дело. Я ему показываю, где щиток, где тревожные кнопки, а тут Лула выходит.

– То есть ты своими глазами ее видел?

– Ну да, она мимо открытой двери прошла.

– Поздоровалась?

– Нет.

– Ты же говоришь, она всегда здоровалась.

– Видать, не заметила меня. Вроде торопилась. Ехала больную мать навестить.

– Откуда ты это узнал, если она с тобой даже не заговорила?

– Из судебного следствия, – четко сказал Уилсон. – Проводил я, значит, техника наверх, показал, где что, и на пост вернулся, а когда миссис Бестиги ушла, впустил его к ним в квартиру, чтобы он и там систему проверил. В принципе, я ему был не нужен – расположение щитков и тревожных кнопок во всех квартирах одинаковое.

– А где же был мистер Бестиги?

– Да он на работу чуть свет уехал. Каждый день в восемь утра отчаливает.

Трое работяг, в касках и желтых жилетах, в облепленных грязью сапогах, вошли в кафе и направились к соседнему столику: под мышкой у каждого была газета.

– Сколько времени тебя не было на посту, когда ты сопровождал техника?

– В квартире на третьем этаже минут пять пробыл, – сказал Уилсон. – В двух других – по одной минуте, не более.

– Во сколько уехал техник?

– К полудню время шло. Точней не скажу.

– А ты уверен, что он вышел из здания?

– Ну да.

– Кто еще приходил?

– Покупки какие-то из магазинов доставили, а вообще-то, к концу недели поспокойней стало.

– То есть начало недели выдалось беспокойным?

– Ну да, тут такая суматоха поднялась – Дибби Макк должен был из Лос-Анджелеса прилететь. Люди из фирмы звукозаписи так и сновали туда-сюда: квартиру номер два подготовить к его приезду, холодильник набить и все такое.

– А ты не помнишь, в тот день что именно из магазинов доставили?

– Пакеты для Макка и для Лулы. И розы... Я помогал парню их наверх затащить: букет во-о-от в такой огромной вазе привезли. – Уилсон широко развел свои большие руки, изображая размер вазы. – Мы розы эти на столик взгромоздили в прихожей квартиры номер два. Потом их полицейский своротил.

– Ты сказал, что ему нагорело. От кого?

– Розы-то для Дибби Макка мистер Бестиги заказал. Как прознал, что вазу раскокали, прямо вызверился. Орал как маньяк.

– Во сколько это было?

– Еще полицейские тут оставались. Пытались жену его допросить.

– Мимо его окон только что пролетела женщина и разбилась насмерть, а он устроил скандал из-за испорченного букета?

– Ну да. – Уилсон пожал плечами. – Он такой.

– Дибби Макк – его знакомый?

Уилсон снова пожал плечами.

– Этот рэпер вообще заходил к себе в квартиру?

Охранник помотал головой:

– Из-за всей этой заварухи он в отель поехал.

– Сколько времени ты отсутствовал, когда помогал затаскивать розы в квартиру номер два?

– Ну, пять минут, самое большее десять. После этого с поста не отлучался.

– Ты упомянул пакеты, доставленные для Макка и Лулы.

– Ага, от модельера какого-то. Рядом Лещинская была, я ее послал разнести их по квартирам. Для него одежду привезли, а для нее – сумочки.

– Ты можешь поручиться, что каждый, кто вошел в вестибюль, потом вышел?

– Ну да, – сказал Уилсон. – Они все в журнал записаны.

– Как часто меняется код входной двери?

– После гибели Лулы мигом сменили, потому как половина лондонской полиции его знала, – сказал Уилсон. – А до этого за три месяца, что Лула в этом доме жила, ни разу не меняли.

– Можешь назвать старый код?

– Девятнадцать шестьдесят шесть, – отчеканил Уилсон.

– Тысяча девятьсот шестьдесят шестой, чемпионат мира по футболу. «Они думают, что все закончилось»^[10].

– Ну да, – подтвердил Уилсон. – Маклауд эти цифры терпеть не мог. Требовал, чтоб сменили.

– На момент смерти Лулы сколько народу могло знать код?

– Не так уж и много.

– Курьеры? Почтальоны? Газовщик?

– Эту публику мы сами впускаем, не отходя от стойки. Жильцы обычно кодом не пользуются – мы их на мониторе видим и сразу дверь открываем. Кодовый замок лишь тогда нужен, когда на посту никого нету: бывает, отойдешь в подсобку или поможешь пакеты наверх занести.

– У каждой квартиры свои ключи?

– Ну да, и своя отдельная сигнализация.

– Лула, уходя, ставила квартиру на сигнализацию?

– Нет.

– А бассейн и тренажерный зал? Они тоже под сигнализацией?

– Нет, просто под замком. У всех жильцов есть ключи от бассейна и спортзала. И еще от входа в подземный гараж. Эта дверь тоже под сигнализацией.

– Сигнализация была включена?

– Без понятия, меня там не было, когда ее проверяли. Наверное, была включена. В то утро техник все устройства проверил.

– А ночью все эти двери были заперты?

Уилсон растерялся:

– Не все. Дверь в бассейн была открыта.

– Не знаешь, кто-нибудь в тот день плавал в бассейне?

– Не припоминаю.

– Сколько же времени он стоял нараспашку?

– Без понятия. До меня Колин дежурил. Он должен был проверить.

– Ладно, – сказал Страйк. – Значит, ты именно потому заподозрил Даффилда в человеке, которого слышала миссис Бестиги, что сам до этого слышал, как он скандалил с Лулой. Когда это было?

– Незадолго до того, как они разбежались, за пару месяцев до ее смерти. Лула его выставила, а он стал в дверь кулаками барабанить, ногами стучать, хотел к ней вломиться. Крыл ее последними словами. Я пошел наверх, чтоб его выпроводить.

– Ты применил силу?

– Да мне без надобности было. Он как меня увидал, вещички с полу подхватил – она ему вслед куртку и ботинки выбросила – и ходу. Под кайфом был, – добавил Уилсон. – Глаза остекленевшие, сам понимаешь. Весь потный. Футболка грязная, дрянью какой-то заляпана. Никогда не мог понять, что Лула в нем нашла. А вот и Киран, – повеселел он. – Ее постоянный водитель.

В крошечное кафе протискивался парень лет двадцати пяти. Невысокий, худощавый, вызывающе красивый.

– Здорово, Деррик.

Водитель и охранник крепко пожали друг другу руки и вдобавок стукнулись костяшками пальцев, после чего Коловас-Джонс сел рядом с Уилсоном.

В жилах Коловас-Джонса был намешан целый коктейль непонятных кровей; в результате получился настоящий шедевр природы: оливково-бронзовая кожа, точеные скулы, почти орлиный нос, черные ресницы и прямые, зачесанные назад темно-каштановые волосы. Эту поразительную внешность оттеняли классическая рубашка с галстуком и скромная улыбка, будто сознательно призванная обезоружить других мужчин и не допустить их ревности.

– А тачка где? – спросил Деррик.

– На Электрик-лейн. – Коловас-Джонс ткнул большим пальцем через плечо. – У меня времени всего минут двадцать. К четверем обратно в Уэст-Энд нужно. Как у вас тут дела? – Он протянул руку Страйку. – Киран Коловас-Джонс. А вы...

– Корморан Страйк. Деррик говорит, что...

– Да-да, – подтвердил Коловас-Джонс. – Не знаю, насколько это важно, может, и ерунда, но полиции все по барабану. А мне просто нужно хоть кому-то рассказать, понимаете? Вы не подумайте, я не спорю, что это было самоубийство, – добавил он. – Просто хочу кое-что прояснить. Кофе, голубушка, – обратился он к пожилой официантке, которая осталась безучастной к его неотразимому обаянию.

– И что же тебя беспокоит? – спросил Страйк.

– Я был ее постоянным водителем, понимаете? – начал Коловас-Джонс, и по его тону Страйк понял, что рассказ отрететирован. – Она всегда требовала прислать именно меня.

– У нее был заключен договор на обслуживание с вашей фирмой?

– Да. Так вот...

– Заказы передаются через пост охраны, – вклинился Деррик. – Мы оказываем жильцам такую услугу. Если кому-нибудь требуется автомобиль, звоним в «Экзекарс» – это агентство, где Киран работает.

– Но она всегда требовала прислать именно меня, – твердо повторил Коловас-Джонс.

– У вас сложились хорошие отношения?

– Лучше не бывает, – сказал Коловас-Джонс. – Мы с ней, понимаете... не скажу, что сблизились... хотя типа да, сблизились. Подружились; ближе, чем обычно дружат водитель с пассажиркой, понимаете?

– Серьезно? И насколько далеко вы зашли?

– Да нет, вы не подумайте, ничего такого, – ухмыльнулся Коловас-Джонс. – Ничего такого.

Но Страйк заметил, что шоферу польстила сама мысль о возможности чего-то большего.

– Возил я ее целый год. Мы подолгу беседовали, понимаете? У нас было много общего. Общее происхождение, понимаете?

– В каком смысле?

– Смешанная кровь, – пояснил Коловас-Джонс. – В нашей семье были некоторые проблемы, не скрою, так что я понимал, из какой среды она вышла. У нее, по сути, в той

среде знакомых не осталось, особенно когда она так поднялась. Во всяком случае, она толком ни с кем не общалась.

– Смешанная кровь не давала ей покоя, правильно я понимаю?

– А как вы думаете, если темнокожая девочка росла в семье белых?

– У тебя в детстве были такие же проблемы?

– Мой отец наполовину карибского, наполовину валлийского происхождения, у матери корни наполовину ливерпульские, наполовину греческие. Лула все приговаривала, что завидует. – Он слегка приосанился. – «Ты, – бывало, скажет, – хотя бы знаешь, откуда произошел, пусть даже места эти у черта на рогах». А на день рождения, между прочим, – добавил он, как будто решил усилить произведенное на Страйка впечатление за счет новой, важной информации, – она мне подарила куртку от Ги Сомэ – выложила за нее, считай, девять сотен фунтов.

Страйк почувствовал, что надо бы отреагировать, и для виду покивал, хотя и заподозрил, что Коловас-Джонс искал с ним встречи лишь для того, чтобы похвалиться своей близостью к Луле Лэндри. Довольный таким проявлением внимания, шофер продолжил:

– Так вот, перед самой смертью... точнее, накануне... попросила она отвезти ее к матери, понимаете? И была в расстроенных чувствах. Не любила она к матери ездить.

– Почему?

– Да потому, что дама эта – с большими тараканами, – ответил Коловас-Джонс. – Я как-то раз возил обеих вместе, – кажется, у мамыши был день рождения. Та еще штучка леди Иветта. Луле – через слово: ах, солнышко, солнышко мое. Лула старалась от нее держаться подальше. Себе на уме, командирша такая и в то же время слащавая, понимаете?.. Ну да ладно, в тот день мамаша из больницы выписалась, совсем смурная была. Лула вовсе не горела желанием к ней ехать. Сжалась как пружина – я ее такой никогда не видел. А когда я сказал, что вечером приехать не смогу, раз меня подрядили Диби Макка встречать, она и вовсе на стенку полезла.

– Почему?

– Как – почему? Да потому что любила ездить со мной, а не с кем попало, – растолковал Коловас-Джонс, как будто Страйк вдруг отупел. – Я умел и от папарацци ее заслонить, и много чего другого, даже телохранителем ей был.

Еле заметным мимическим движением Уилсон показал, какой из Коловас-Джонса телохранитель.

– А разве нельзя было поменяться, чтобы за Макком поехал кто-нибудь другой?

– Можно, да я сам не захотел, – признался Коловас-Джонс. – Я большой фанат Диби. А тут подвернулась возможность с ним познакомиться. Это Лулу больше всего разозлило. Ну не важно. – Он поспешил вернуться к прежней теме. – Отвез я ее к матери, подождал – вот тогда-то и началось самое главное, что я хотел вам рассказать, понимаете? Выходит она от матери – а на самой лица нет. Я ее такой никогда не видел. И застыла, реально застыла. Как в ступоре. Потом села в машину, попросила у меня ручку и стала что-то писать на голубом листке. Мне – ни полслова. Сидит и строчит. Короче, повез я ее в «Вашти» – там они с подругой собирались пообедать, ну вот...

– Что такое «Вашти»? С какой подругой?

– «Вашти» – это магазин... как у них говорится, бутик. При нем есть кафе. Шикарное местечко. А подруга... – Коловас-Джонс нахмурился и несколько раз щелкнул пальцами. – Они в психушке познакомились. Черт, как же ее звали? Я их вместе не раз возил. Из головы

вылетело... Руби? Рокси? Ракель? Что-то в этом духе. Жила в приюте Святого Эльма, на Хаммерсмит. Бездомная. Короче, заходит Лула в этот магазин. Когда к матери ехала, сама мне сказала, что собирается в «Вапши» пообедать, а тут пятнадцати минут не прошло – вылетает из дверей одна и требует отвезти домой. Как пить дать что-то здесь не то, понимаете? А Ракель эта, или как там ее... сейчас вспомню... так и не вышла, хотя обычно мы ее подвозили. И голубого листка я больше не видел. Лула всю дорогу молчала, как язык проглотила.

– Ты рассказывал полицейским про этот голубой листок?

– А как же. Только им плевать, – повторил Коловас-Джонс. – Это, говорят, был список покупок, не иначе.

– Можешь поточнее описать, как он выглядел?

– Просто голубой листок. Вроде почтовой бумаги. – Он посмотрел на часы. – Через десять минут отчаливаю.

– Значит, это была твоя последняя встреча с Лулой?

– А я о чем? – Он погрыз ноготь.

– Узнав о ее смерти, что ты подумал?

– Сам не знаю, – сказал Коловас-Джонс, обкусывая ноготь. – Как обухом по голове. Все мысли отшибло. Разве я мог предположить? Только-только виделись – и такая беда. Газеты раструбили: это, мол, Даффилд, у них в ночном клубе скандал вышел и все такое. Честно признаться, я тоже на него подумал. Ублюдок редкостный.

– То есть ты знал его лично?

– Возил их пару раз, – ответил Коловас-Джонс: он раздувал ноздри и поджимал губы, будто учуял дурной запах.

– И какое у тебя сложилось мнение?

– Мудак и бездарь – вот какое мое мнение. – С неожиданной виртуозностью Коловас-Джонс внезапно заговорил нудным, протяжным тоном. – «Может, он нам еще пригодится, Лулс? Пусть подождет, а?» – Коловас-Джонс выходил из себя. – Мне за все время ни слова не сказал, будто я пустое место. Хам, прилипала поганый.

Дерек негромко сообщил:

– Киран у нас актер.

– На эпизодических ролях, – уточнил Коловас-Джонс. – Пока что.

Он вкратце описал сериалы, в которых принимал участие, и при этом, с точки зрения Страйка, не упустил возможности выставить себя в более выгодном свете, чем того заслуживал в собственных глазах; показать, что он накоротке с этой непредсказуемой, опасной и переменчивой особой – славой. Она вечно маячила у него за спиной, рядом с пассажирами, на заднем сиденье лимузина, но отказывалась (размышлял Страйк) пересечь вперед, чем постоянно его терзала, а может, и злила.

– Киран пробовался у Фредди Бестиги, – сказал Уилсон. – Верно я говорю?

– Типа того. – Вялый ответ красноречиво сообщил о результатах.

– Как это было организовано? – спросил Страйк.

– Как полагается, – с налетом высокомерия ответил Коловас-Джонс. – Через моего импресарио.

– И ничего не вышло?

– У них изменились планы, – сказал Коловас-Джонс. – Мою роль вычеркнули.

– Итак, в тот вечер ты встречал Диби Макка – где, в Хитроу?

– В пятом терминале, – подтвердил Коловас-Джонс, нехотя возвращаясь к прозе жизни, и поглядел на часы. – Слушайте, мне пора.

– Я тебя провожу до машины, ты не против? – сказал Страйк.

Уилсон тоже не хотел засиживаться; Страйк заплатил за троих, и они вышли все вместе. На улице он предложил своим спутникам закурить; Уилсон помотал головой, а Коловас-Джонс не отказался.

Серебристый «мерседес» был припаркован поодаль, за углом, на Электрик-лейн.

– Куда ты отвез Дибби из аэропорта? – спросил Страйк, когда они подходили к машине.

– Он хотел закатиться в какой-нибудь клуб, так что я его доставил в «Казарму».

– Во сколько ты его высадил?

– Ну не знаю... в полдвенадцатого, что ли? Без четверти? Он был на взводе. Сказал, что сна ни в одном глазу.

– А почему именно в «Казарму»?

– Да потому что в пятницу вечером там лучший хип-хоп во всем Лондоне. – Коловас-Джонс усмехнулся, как будто этого стыдно было не знать. – Ему, как видно, понравилось – часов до трех там зажигал.

– А потом, значит, ты повез его на Кентигерн-Гарденз и наткнулся на полицейский кордон или...

– Я в машине радио слушал и узнал, что там произошло, – сказал Коловас-Джонс. – Как только Дибби вышел, я ему сразу сообщил. Его свита тут же начала по телефонам названивать, разбудили людей из фирмы звукозаписи, попытались какой-нибудь другой вариант организовать. Забронировали номер люкс в «Кларидже»; туда я его и отвез. Домой только к пяти утра добрался. Сразу включил новости, посмотрел репортаж по каналу «Скай». У меня челюсть отвисла.

– Там ведь папарацци толпились, у дома восемнадцать, но пронюхали, что Дибби в ближайшее время не появится. Кто-то им нашептал, потому они и разошлись, пока еще Лула с балкона не выбросилась.

– Да? Я без понятия, – сказал Коловас-Джонс.

Он немного прибавил шагу и, опередив своих спутников, отпер дверцу автомобиля.

– Макк, наверное, привез с собой гору чемоданов? Багаж оставался у тебя в машине?

– Да нет, весь багаж фирма отправила загодя. Макк сошел с трапа налегке; при нем было человек десять сопровождающих.

– Значит, в аэропорт прислали не только твой автомобиль?

– Машин в общей сложности было четыре, но Дибби поехал со мной.

– Где ты его ждал, пока он тусовался в клубе?

– Где припарковался, там и ждал, – ответил Коловас-Джонс. – Примерно на углу Глассхаус-стрит.

– И другие три автомобиля тоже? Все водители держались вместе?

– Поди найди в центре Лондона четыре парковочных места подряд, – бросил Коловас-Джонс. – Я без понятия, где другие парковались.

Поверх приоткрытой дверцы шофер стрельнул глазами на Уилсона, потом на Страйка.

– А вам зачем? – с нажимом спросил он.

– Просто интересуюсь, – сказал Страйк, – что это за работа – возить клиентуру.

– Фигня, а не работа, – неожиданно взорвался Коловас-Джонс. – Одно название – возить, а на самом деле стой и жди.

– Лула дала тебе пульт от дверей подземного гаража – он у тебя сохранился?

– Что-что? – переспросил Коловас-Джонс, хотя Страйк мог поклясться, что водитель прекрасно расслышал вопрос.

Тот уже не пытался скрыть вспыхнувшую враждебность, направленную не только против Страйка, но и против Уилсона, который, сообщив, что Коловас-Джонс – актер, не произнес больше ни слова.

– У тебя сохранился...

– Допустим, сохранился. Я ведь и мистера Бестиги вожу, – сказал Коловас-Джонс. – Ладно, я поехал. Счастливо, Деррик.

Бросив недокуренную сигарету на мостовую, он сел за руль.

– Если вспомнишь что-нибудь еще, – сказал Страйк, – например имя подруги, с которой Лула встречалась в «Вашти», позвони мне, ладно?

Он протянул шоферу свою визитку. Коловас-Джонс, который уже набрасывал ремень безопасности, взял ее не глядя:

– Я опаздываю.

Уилсон на прощанье поднял руку. Коловас-Джонс хлопнул дверцей, повернул ключ, нахмурился и задним ходом рванул со стоянки.

– У него слабость к звездам, – сказал Уилсон, как будто извиняясь за парня. – Он просто млел, когда ее возил. Всегда старается к знаменитостям поближе держаться. Два года ждет, чтобы Бестиги ему что-нибудь предложил. Уж как он бесился, когда ту роль не получил.

– А кого он хотел сыграть?

– Барыгу, наркоторговца. В каком-то фильме.

По пути к станции метро «Брикстон» они прошли мимо стайки чернокожих школьников в синих форменных юбочках. У одной девчушки были длинные дреды с бусинами, и Страйк опять вспомнил свою сестру Люси.

– Бестиги по-прежнему живет в доме восемнадцать? – уточнил Страйк.

– Ну да, – сказал Уилсон.

– А кто занимает другие две квартиры?

– В квартире номер два украинец поселился, торговец, с женой. Квартирой номер три заинтересовался какой-то русский, но конкретных переговоров не вел.

– А можно так организовать, – спросил Страйк, когда у них на пути возник щуплый бородатый старик в капюшоне, ни дать ни взять ветхозаветный пророк: остановившись посреди тротуара, он медленно высунул язык, – чтобы я когда-нибудь зашел и осмотрелся на месте?

– Наверное, можно, – помолчав, ответил Уилсон, который успел незаметно скользнуть взглядом по ногам Страйка. – Звякни, когда соберешься. Только сам понимаешь: надо подгадать, чтобы Бестиги дома не было. Он мужик вздорный, а я работу потерять не хочу.

В выходные мысль о том, что с понедельника он снова будет в конторе не один, грела Страйку душу; от этого нынешнее уединение становилось менее удручающим и даже в чем-то приятным. Можно было, к примеру, не убирать раскладушку, держать открытой дверь из кабинета в приемную и спокойно ходить в сортир, не боясь задеть чьи-либо чувства. Вот только дышать цитрусовой химией стало уже неважноту: он приналег на залипшую от краски оконную раму позади своего письменного стола, и в тесные комнатенки с затхлостью в углах тут же хлынул чистый, прохладный ветер. Принципиально отметая те компакт-диски и даже отдельные мелодии, которые могли вернуть его в ураганные, мучительные годы, проведенные с Шарлоттой, он врубил на полную громкость Тома Уэйтса^[11]. Маленький проигрыватель компакт-дисков, который Страйк не чаял больше увидеть, обнаружился на дне одной из картонных коробок. Страйк немного повозился с портативным телевизором и простенькой комнатной антенной, а потом, запихнув в черный полиэтиленовый мешок все вещи, требующие стирки, отправился в ближайшую прачечную-автомат; по возвращении он натянул в кабинете веревку, развесил чистое белье и сел смотреть футбол: в три часа играли «Арсенал» и «Тотнем Хотсперс».

Пока он занимался рутинными делами, над ним как будто летало привидение, которое в свое время неотвязно маячило у больничной койки. Прячась в углах запущенной конторы, оно шепотом понукало Страйка, когда тот уставал. Не давало забыть, до чего он докатился; напоминало про возраст и безденежье, про разбитую личную жизнь и неприкаянность. Тридцать пять лет, зудело оно, столько корячился – и ни кола ни двора, лишь четыре картонные коробки да груз долгов. Это же самое привидение направляло его взгляд на банки с пивом в супермаркете, где продавалась лапша «Пот нудлз», и потешалось, когда он гладил рубашки на полу. В течение дня оно глумилось над его армейской привычкой выходить курить на улицу: и впрямь, такое пустячное проявление самодисциплины из прошлого не могло наладить и упорядочить беспорядочное, катастрофическое настоящее. Теперь Страйк курил за письменным столом; в дешевой пепельнице, давным-давно прихваченной из какого-то бара в Германии, росла гора окурков.

Зато у него появилась работа, напоминал он себе; денежная работа. «Арсенал» разгромил «Хотсперс», и Страйк повеселел: выключив телевизор, он отмахнулся от привидения, пересел за стол и взялся за дело.

Притом что у него теперь была возможность собирать и группировать улики любым известным способом, Страйк по-прежнему руководствовался Законом об уголовном судопроизводстве и подзаконными актами. Не важно, что он охотился, с его точки зрения, за несуществующим убийцей, рожденным больной фантазией Бристоу, – это не мешало ему тщательно расшифровывать и перегонять в компьютер те заметки, что были сделаны во время встреч с Бристоу, Уилсоном и Коловас-Джонсом.

В шесть часов вечера, когда это занятие было в самом разгаре, позвонила Люси. Хотя сестра была двумя годами моложе Страйка, она, похоже, считала себя старшей. На ней висели ипотека, туповатый муж, трое детей, изнурительная работа, но Люси, судя по всему, жаждала дополнительных забот, как будто ей не хватало точек приложения сил. Страйк всегда подозревал у нее желание доказать себе и миру, что она ничем не напоминает их беспутную мать, которая в угоду новой идее или новому сожителю таскала сына с дочкой по

всей стране, раз от раза сдерживала из школы, приводила то в сквоты, то в ночлежки. Из восьми его братьев и сестер только Люси росла вместе с ним; Страйк любил ее, пожалуй, больше всех на свете, но общение с ней подчас затрудняли старые тревоги и навязшие в зубах споры. Люси не могла скрыть, что беспокоится и переживает за брата. По этой причине Страйк не спешил честно рассказывать ей о своем нынешнем положении – делился он только с друзьями.

– Да, дела идут отлично, – говорил он ей, дымя возле открытого окна и наблюдая за перемещениями прохожих из одного магазина в другой. – За последнее время бизнес вырос ровно вдвое.

– Где ты находишься? Транспорт шумит.

– Я в конторе. Нужно бумаги разгрести.

– В выходной? А как на это смотрит Шарлотта?

– Она в отъезде... гостит у мамы.

– У вас ничего не случилось?

– У нас все путем, – сказал он.

– Точно?

– Угу, точно. А как Грег?

Сестра посетовала, что мужа очень загружают на работе, а затем продолжила допрос:

– Гиллеспи по-прежнему на тебя наседает?

– Нет.

– Я ведь не зря спрашиваю, Стик. – Детское прозвище не сулило ничего хорошего: Люси зачем-то понадобилось его умаслить. – Мне тут подсказали: оказывается, ты имеешь право обратиться в Британский легион^[12], чтобы выхлопотать...

– Не тренди, Люси, – невольно вырвалось у него.

– Что-о-о?

Как же хорошо он знал этот обиженный, негодующий тон. Страйк закрыл глаза:

– Я не собираюсь ни о чем просить Британский легион, Люс, это понятно?

– Поумерь свою гордыню...

– Как дети?

– Неплохо. Послушай, Стик, меня возмущает, что Рокби, от которого ты за всю жизнь не видел ни гроша, натравливает на тебя своего адвоката. Пусть бы оказал безвозмездную помощь, тебе ведь столько пришлось пережить, а для него...

– У меня бизнес на подъеме. С долгами я разберусь, – сказал Страйк.

На углу ссорилась юная парочка.

– Ты правду говоришь, что у вас с Шарлоттой все хорошо? С чего это ее понесло к матери? Мне казалось, они друг дружку на дух не переносят.

– Как-то нашли общий язык, – ответил Страйк; между тем девчонка, отчаянно жестикулируя, топнула ногой и скрылась за углом.

– Ты кольцо-то ей купил? – допытывалась Люси.

– погоди, мне казалось, ты хочешь, чтобы я вначале расплатился с Гиллеспи?

– Но она не сердится, что у нее до сих пор нет кольца?

– Она выше этого, – сказал Страйк. – Говорит: плевать на кольцо, деньги нужно вкладывать в бизнес.

– Надо же. – Люси всегда считала, что успешно маскирует свою глубочайшую неприязнь к Шарлотте. – Ты придешь на день рождения Джека?

– А когда?

– Стик, я послала тебе приглашение неделю назад!

Он подумал, что Шарлотта, вероятно, сунула конверт в одну из тех коробок, что так и стояли нераспакованными на лестничной площадке – в офис они не влезли.

– Угу, приду, – сказал он; ему до смерти не хотелось тащиться на этот день рождения.

Закончив разговор, он вновь сел за компьютер и продолжил работу. Вскоре записи его бесед с Уилсоном и Коловас-Джонсом были вбиты в файл, но чувство безысходности осталось. Впервые после увольнения из армии он взялся за дело, которое требовало не просто слежки, однако же судьба, как видно, задалась целью ежедневно напоминать, что у него больше нет ни авторитета, ни полномочий. Кинопродюсер Фредди Бестики, который находился рядом с Лулой в момент ее гибели, оставался – стараниями безликих клерков – вне пределов досягаемости; да и с Тэнзи Бестики до сих пор не было договоренности о встрече, хотя Джон Бристоу клятвенно обещал решить этот вопрос.

Со смутным чувством бессилия и едва ли не презрения к своим занятиям – сродни тому, какое испытывал к ним жених Робин, – Страйк все же решил не сдаваться и поискать в интернете еще какую-нибудь информацию, связанную с делом. Он нашел Кирана Коловас-Джонса, который, оказывается, не врал о сериале «Чисто английское убийство», где сыграл эпизод из двух реплик («Второй гангстер.....Киран Коловас-Джонс»). У него действительно был импресарио, который разместил на своем сайте маленькое фото Кирана и скупой перечень его достижений, включая роли без слов в сериалах «Жители Ист-Энда» и «Катастрофа». Зато на сайте «Экзекарс» фотография Кирана имела более внушительный вид. В форменном костюме и фуражке, он позировал в полный рост, как заправский кумир публики, – очевидно, в штате агентства ни один водитель не мог тягаться с ним внешними данными.

За окнами на смену сумеркам пришла тьма; плеер по-прежнему рычал и стонал в углу голосом Тома Уэйтса, а Страйк, не вылезая из Сети, все гонялся за тенью Лулы Лэндри и время от времени добавлял в файл новые заметки.

Страницу Лэндри в «Фейсбуке» найти не удалось, в «Твиттере» она, судя по всему, тоже не регистрировалась. Вероятно, такое нежелание допускать жадных до сплетен фанатов в свою личную жизнь подталкивало многих к самостоятельному заполнению пробелов. На бесчисленных сайтах красовались подборки фотографий Лулы, сопровождаемые маниакальными комментариями. Если эта информация была правдивой хотя бы наполовину, то Бристоу дал Страйку неполную и выхолощенную картину саморазрушительного характера своей сестры, причем такие тенденции стали проявляться у нее в раннем подростковом возрасте, после смерти приемного отца, сэра Алека Бристоу: основатель собственной фирмы электронного оборудования «Альбрис», добродушного вида бородач, он скоропостижно скончался от инфаркта. После этого Лула сбежала из двух школ-интернатов и с позором вылетела из третьей – все это были дорогие частные пансионы. Она даже резала себе вены – соседка по общей спальне нашла ее в луже крови; скиталась где придется – полиция вытащила ее из какого-то сквота. На фан-сайте *LulaMyInspirationForeva.com*, рулило которым лицо неопределенного пола, утверждалось, что в тот период будущая модель зарабатывала на жизнь проституцией.

По закону о психическом здоровье она подвергалась принудительному лечению, находясь в охраняемой палате для подростков с диагнозом «циркулярный психоз». Не прошло и года, как она, приехав с матерью в магазин одежды на Оксфорд-стрит, встретила свою

сказочную удачу в лице скаута из модельного агентства.

В шестнадцать лет Лула выглядела как Нефертити: перед объективами фотокамер красовалось уникальное сочетание порока и хрупкости: длинные, как у жирафенка, ноги, а на левой руке – рваный шрам от запястья до локтевого сгиба, добавлявший, по мнению модных обозревателей, определенную пикантность ее фантастической внешности: недаром на некоторых фотографиях он выставлялся напоказ. Экзотическая красота Лулы не укладывалась в общепринятые рамки, а обаяние, которое после ее смерти стали превозносить до небес (как журналисты, так и истеричные блогеры), уживалось с опасной раздражительностью и внезапными вспышками ярости. Похоже, пресса и публика любили ее в равной мере – и в равной мере любили ее поддеть. Одна журналистка написала, что Луле свойственна «странная прелесть и неожиданная наивность»; другая сочла, что перед ней «расчетливая юная дива, практичная и жесткая».

В девять вечера Страйк сходил поужинать в китайский квартал, вернулся в контору и, сменив Тома Уэйтса на *Elbow*^[13], взялся искать в Сети информацию об Эване Даффилде, который, по общему мнению (и даже по мнению Бристоу), не убивал свою девушку.

Пока Страйк не столкнулся с профессиональной завистью Коловас-Джонса, он при всем желании не мог объяснить, чем вообще прославился Даффилд. Зато теперь ему стало известно, что Даффилд прогремел после съемок в каком-то шедевре независимого кино, получившем хвалебные отзывы в прессе: сыграл он чуть ли не самого себя – музыканта, который подсел на героин и в результате пошел воровать.

На волне кинематографической славы своего фронтмена его команда выпустила вполне успешный альбом и со скандалом развалилась, практически сразу после знакомства Даффилда с Лулой. Как и его подруга, Даффилд отличался поразительной фотогеничностью: даже на сделанных длиннофокусным объективом неотретушированных кадрах (такие тоже нашлись в интернете), где он, в грязной одежде, бредет по улице; даже на тех снимках, где он в ярости бросается на папарацци. Похоже, соединение этих двух изломанных и прекрасных знаменитостей подогревало интерес к обоим: слава одного падала отраженным светом на другого, рикошетом отскакивала назад, и это вечное движение работало на обоих сразу.

Гибель подруги еще более укрепила позиции Даффилда в мире небожителей, которых превозносят, шельмуют и боготворят. Вокруг него появился ореол какого-то мрака и фатализма. Как могло показаться, и самые страстные фанаты, и недоброжелатели охотно рассуждали о том, что он из-за наркоты уже скатывается в пропасть, что его ждет неминуемое отчаяние и забвение. Из своих слабостей он, так сказать, сотворил себе рай, и Страйк несколько минут просматривал очередное мелкое, дрожащее видео на «Ютьюбе», в котором Даффилд, явно под кайфом, плел что-то несусветно путаное именно таким голосом, который мастерски пародировал Коловас-Джонс: мол, умереть – это все равно что уйти с вечеринки, а потому не стоит горевать, если свалить придется пораньше.

По свидетельствам очевидцев, в ночь смерти Лулы он уехал из клуба сразу вслед за ней, нацепив – и Страйк при всем желании не мог увидеть в этом ничего, кроме дешевого позерства, – маску волка. Его рассказ о дальнейших перемещениях, возможно, и не убедил самодельных онлайн-дознавателей, но полицейские, как видно, поверили в непричастность Даффилда к событиям на Кентигерн-Гарденз.

Кочуя по новостным сайтам и блогам, Страйк не сбивался с курса. То тут, то там ему попадались россыпи горячечных домыслов и разнообразных версий гибели Лэндри, в которых фигурировали упущения следственных органов: Бристоу, вероятно, начитался чужих

рассуждений и еще больше укрепился в мысли о насильственной смерти сестры. На сайте *LulaMyInspirationForeva* был целый список: «Вопросы без ответов»; вопрос номер пять звучал так: «Кто отозвал папарацци перед ее падением?»; вопрос номер девять: «Почему нигде не упоминаются парни, которые, закрывая лицо, убегали из ее квартиры в два часа ночи? Где они, кто такие?»; вопрос номер тринадцать: «Почему в момент падения с балкона Лула была одета не так, как при возвращении домой?»

[Купить полную версию книги](#)

notes	

Private Eye («Частный взгляд», «Частный детектив») – английский сатирический журнал, издается с 1961 г. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Перевод В. И. Уколовой и М. Н. Цейтлина.

«Сентр-пойнт» – офисное здание в центре Лондона, один из первых небоскребов британской столицы. Построен в 1967 г. по проекту Р. Сейферта у станции метро «Тотнем-Корт-роуд». Охраняется государством как памятник архитектуры.

Strike (*англ.*) – удар; попадание; забастовка.

В комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь» ткач Моток, надев ослиную маску-голову, будит королеву фей Титанию своей песенкой:

Кукушка, что поет ку-ку
И дразнит рогачей,
Наводит на мужей тоску,
А возразить не смей...

(Перевод М. Лозинского)

Перевод С. А. Ошерава.

Чарльз *Дейна Гибсон* (1867–1944) – американский художник-иллюстратор; «девушки Гибсона» считались идеалом красоты на рубеже веков.

Эмелин Панкхёрст (1858–1928) – лидер британского движения суфражисток, сыгравшая важную роль в борьбе за избирательные права женщин.

Олдершот (тж. Алдершот) – город в Юго-Восточной Англии; в Викторианскую эпоху вырос из маленькой деревушки благодаря связям с армией.

23 февраля 1966 года на стадионе «Уэмбли» состоялся матч между сборными Англии и Германии. Незадолго до финального свистка, при счете 4:0 в пользу англичан, английские болельщики стали выбегать на поле, и комментатор телеканала Би-би-си в эфире заявил: «Они думают, что все закончилось... вот теперь все!» (*англ.* «They think it's all over... it is now!») Эта фраза стала крылатой в английской массовой культуре, напоминая англичанам об одной из их значительных побед в спорте.

Том Уэйтс (Tom Waits), р. 1949 – американский певец и автор песен, композитор, актер. Начиная с 1980-х гг. играет в основном экспериментальный рок с элементами дарк-кабаре и авангардного джаза. Тексты его композиций представляют собой истории, рассказанные чаще всего от первого лица, с гротескными образами захолустных мест и потрепанных жизнью персонажей.

British Legion – организация ветеранов войны в Великобритании, созданная в 1921 г. для оказания финансовой и материальной помощи участникам войн, вдовам и родственникам погибших, для содействия в вопросах пенсионного обеспечения, устройства на работу и т. п.

Elbow – британская инди-группа, образованная в Манчестере в 1990 г. Музыкальная критика называет *Elbow* «самой умной группой Британии». Группе принадлежит авторство композиции «Первые шаги» – музыкальной темы Олимпийских игр 2012 г. в Лондоне.